

ВАСИЛИЙ КЛЕНИН

КОНДОТЪЕР

—СУХОРУКОВ—

Василий Николаевич Кленин

Кондотьер Сухоруков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68531705

SelfPub; 2023

Аннотация

Четвертая история из жизни "императора" Сухая рука в неведомом прошлом, но уже в более-менее понятном регионе. Попаданец-обыватель из нашего мира разошелся настолько, что на него, наконец, обратили внимание сильные мира сего. Со всеми вытекающими. В предыдущем романе вам показались, что злоключения Сухорукова наконец-то закончились? Ну-ну. Добро пожаловать в четвертую книгу!

Содержание

Пролог. Сын Обезьяны	4
Пролог. Воронов Волос	20
Глава 1. Тишина в моей голове	33
Глава 2. Странный Ицкагани	46
Разговоры в тени – 1	59
Глава 3. Счет на минуты	65
Глава 4. Лощинка была удобная	73
Глава 5. Заигрался	86
Глава 6. Путями торговыми	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Василий Кленин Кондотьер Сухоруков

Пролог. Сын Обезьяны

– Попался! – великий князь всей Толимеки выскочил из-за угла дворцового коридора и вцепился в левую руку Сына Обезьяны.

Господин советник, который давно уже почувствовал тяжелое взволнованное дыхание мальчишки, устроившего засаду на своего наставника, сделал вид, что испугался, и поднял руку повыше. Чокопиц повис на ней, радостно задрал коленки и совершенно испортив вид парадного одеяния.

«Он тяжелеет с каждым днем, – довольно подумал четланский советник. – Еще год – и я не смогу поднять его одной рукой. Станет князь настоящим воином».

Коридор был, конечно, не самым подходящим местом для игр, но Сын Обезьяны слишком ценил моменты искренней радости у своего подопечного. Весь первый месяц, как он остался в Уекахуа с юным князем, ему так и не удалось выжать улыбку из мальчика. Понять ребенка было нетрудно: страну завоевали четлане, дед-правитель умер, а любимую сестрицу увез к себе однорукий владыка горной страны. Как узнал Сын Обезьяны от старой служанки, вырастившей обо-

их внуков старого Такоциана, и до прихода четлан жизнь мальчика была не особо веселой. Начальник стражи – красномордый Коллиль – вовсю измывался над детьми, постепенно утверждая во дворце свою власть.

Заняв пост советника, Сын Обезьяны первым делом оградил Чокопица от приставаний местного «генерала». Военную подготовку князя он доверил одному из золотых двадцатников, которые остались в Уекахуа для обучения местной стражи. Сам же проводил с ним почти всё свободное время. Он очень старался и в итоге смог добиться того, что мальчик снова научился беззаботно смеяться.

– Слезай с меня, князь! – мягко велел советник своему правителю. – Я не дерево, а ты не обезьянка.

– Я – сын обезьяны! – радостно выкрикнул Чокопиц, отказываясь опускаться на землю. – Ты ведь сам говорил, когда водил меня в лес: мы учимся у обезьян, значит, мы их сыновья!

– Верно. И мы делаем это в лесу, где нас никто не видит, – назидательно пояснил Сын Обезьяны. – А здесь так вести себя не должно. Помнишь, почему?

– Потому что я должен поддерживать репутацию князя, – враз погрузнев, заученно ответил мальчик.

– Всё верно, мой князь, – улыбнулся четланин. – Правителю следует помнить о своем долге. Тогда он будет гордостью и надеждой своего народа.

Чокопиц хотел быть гордостью и надеждой своего наро-

да. Он выпрямился, поправил передник и сбившийся плащ, развернул тяжелое оплечье.

– Гораздо лучше! – улыбнулся Сын Обезьяны. – Вот такой князь достойно встретит владыку Хуакумитлу на троне своих предков.

– Не хочу я его встречать, – буркнул маленький князь. – Сухая Рука увез мою Туа-Онче! Увез сестрицу в свои холодные горы.

– Сухая Рука много всего сделал, – кивнул четланский советник, возвышенный этим самым Сухой Рукой. – Он, например, остановил войско аколуа, которое шло сюда с востока. Помнишь, что нам рассказывали про аколуа беженцы?

Чокопиц помнил. Дядя Сын Обезьяны заставил его принимать беглецов чумбиа и пантеков. Мальчик думал, что это будет скучный прием, но там оказалось интересно и даже немного страшно. Беглецы рассказывали о том, как бесчисленная орда аколуа грабила и убивала людей, жгла села. Потом они просили помощи, и советник сказал, что людям нужно помочь, хоть, они и чужого рода.

«Сделанное добро имеет склонность возвращаться, – пояснил он тогда туманно. – Так же, как и зло».

– Пойдем встречать владыку? – глядя в глаза мальчишке, спросил Сын Обезьяны.

– Да, – буркнул тот. – Если мне дадут топор! Это топор князя! Сухая Рука сам мне его вручил!

Советник с улыбкой кивнул. Это хорошо, что будущему

правителю толимеков нравится топор, который тому подарил владыка четлан.

Делегацию горцев ждали долго, хотя, в Старом об их приходе знали уже с утра. Сам владыка с юной женой, его командиры и немалая часть воинов – все идут в столицу Толимеки, дабы проверить, как обустраивается княжество под властью Золотого Змея. Ну, и собрать свою долю какашут, что собрали к исходу зимы. Голова колонны появилась чуть ли не в сумерках: четлане втягивались на улицы Уекахуа в торжественном порядке. Владыка с женой ехали в изукрашенных паланкинах, хотя, Сын Обезьяны готов был поставить голову меди на то, что Хуакумитла сел в него только перед самой столицей.

Юный князь достойно встретил верховного владыку, лишь его детские пальцы излишне крепко сжимали роскошный топор из тумбаги. Но, увидев сестру, мальчишка забыл обо всех приличиях, небрежно отбросил княжеское оружие стражникам и кинулся обниматься.

– Туа! – завопил он, и слезы радости коварно блеснули на его щеках. – Ты так долго не приезжала!

Затем наступила черед обязательных церемоний, которыми тяготились все присутствующие: И Сын Обезьяны, и юный Чокопиц, и сам Хуакумитла. Но всё равно, сходили к священной скале, принесли обильные жертвы Змею и местным богам. Затем, Хуакумитла лично занялся вопросом размещения воинов (а с ним пришли две сотни золотых и

несколько двадцаток белых). Уже совсем стемнело, однако, владыка отдал приказ:

– Женщинам и детям – отдыхать! Ну, а нам нужно посоветаться.

Совет провели в тронном зале, куда принесли несколько жаровен и новое чудо из Четландии – свечи. Хуакумитла оглядел собравшихся: Толимеку на совете представляли Третья Рука Мокрое Лицо, красномордый Коллиль и сам Сын Обезьяны.

– А где Моччитуа? – хмуро спросил владыка, не увидев князя Чапопотилы.

– Его еще нет в Уекахуа, – угодливо ответил начальник стражи Коллиль. – Только гонец сегодня прибыл, Мацихатла. Уверяет, что его князь уже в пути, но не успевает.

– Гонец, говоришь? – вздел брови Сухая Рука. – Ну, вот пусть тогда его гонец на совете и сидит! А, если Моччитуа пунктуальности не научится, то мы гонца и на трон посадить сможем!

Все удивленно переглянулись: правитель четлан вёл себя несколько странно. Но пожали плечами и послали за гонцом.

– Как урожай какашут? – начал владыка совещание.

– Насчет моих территорий ты уже знаешь, – первым взял слово Желтое Лицо. – Удалось собрать больше обычного, Циак тоже прислал положенное. Пару лодок какашут прислали из Закатулы в качестве подарка. Они в последнее время вообще всячески нас обхаживают.

– Они просто узнали, куда нацеливалась армия аколоуа, – усмехнулся Сухая Рука. – Сын Обезьяны, что у вас?

– Мы выполнили норму, – кивнул Сын Обезьяны, отметив про себя, что уже говорит «мы». – В приморских владениях говорили, что урожай плохой, однако, почтенный Коллиль отправился туда со стражами и смог взыскать нужное количество кашапут. А вот Чапопотила не прислала подати.

– Князь всё положенное несет с собой, – улыбнулся странный гонец. – Завтра он точно уже будет здесь.

– Ладно, посмотрим, – задумчиво подытожил Хуакумита.

– Владыка, – влез в разговор Сын Обезьяны. – Прости, что прерываю, но дозволю спросить: а что с теночками? Мы здесь только знаем о посольстве, что прибыло в Излучное, но даже не представляем, что нас ждет в будущем. Какой ответ дали в Теночтитлане?

– А никакого! – усмехнулся правитель. – Уже третий месяц, как Пятая Трава уехал домой с нашим предложением – и никакого ответа. Мы готовимся к любому варианту исхода. Все три воинства уже восстановили свой прежний состав, запасы оружия велики... Эх, не хочется говорить заранее, но, возможно, у нас скоро вообще появится новое оружие! – глаза Сухой Руки оживились. – И с ним мы станем еще сильнее! Скоро возле Моки начнем формировать третью сотню черных. Верно, Желтое Лицо?

– Земля за Мезкалой для воинов подготовлена, – кивнул

золотой. – Осталось только дожждаться командира.

– А еще наша разведка принесла обнадеживающие новости... Впрочем, Аскуатла, расскажи их сам.

Командир белых вздрогнул от неожиданности и улыбнулся.

– Я с торговцами посылал своих людей в Жаркие Земли, – вступил он. – Некоторые поднимались вверх по Мезкале до самых пределов державы теночков. И узнали они, что еще в прошлом году большое войско их ушло на восток. Очень большое: в нем есть и теночки-астеки, и аколуга и третье племя их союза – тепанеки. Войском тем командует чуть ли не родной сын Верховного Говорящего. И ушли они куда-то очень далеко: называли земли Теуантепек, Шоконочко...

– Шоконочко? – вскинулся Коллиль. – Я слышал об этом городе. Изредка к нашим берегам приплывают их лодки для торговли. Это... Это очень далеко. Туда плыть десятки и десятки дней. А пешком идти... очень далеко!

Хуакумитла кивнул, усмехнувшись краем рта.

– В общем, мы думаем, что их Говорящий ждет возвращения своего войска, – пояснил он. – Не хочет ввязываться в новый конфликт, пока не узнает, что с его силами. Конечно, астеки наверняка могут собрать еще войско. Но там, на востоке, их самые лучшие воины, самые мудрые командиры. А Ауисотль, видимо, собирается торговаться с нами с позиции силы... Это грустно. Как грустно и то, что пурепеча нам не

помогут. Мне сообщили из Цинцунцанна, что у них, как это часто бывает голодной зимой, все силы брошены на северные границы, где постоянно вторгаются дикие чичимеки... Но ничего, мы тоже становимся сильнее! Верно ведь, Коллиль? Как твоя стража?

– Восемь двадцаток обучаются постоянно! – гордо отпартовал красномордый начальник стражи. – Твои воины – прекрасные учителя!

– Вот видите! – улыбнулся Сухая Рука. – Так что их Ауи-сотль двадцать раз подумает, прежде чем связываться с нами! Надеюсь, сможем договориться.

Далее разговор сменил направление. Сын Обезьяны отчетливо видел, что владыка чем-то загорелся. И, собственно, для этого всех и собрал. Советник маленького князя не ошибся.

– Мы организуем четланский центр, – начал Хуакумитла с теми страстью и задором, которые в нем просыпались в ходе рождения новых идей. – Здесь, в Уекахуа, неподалеку от столицы. На западе таким центром станет Мока, второй будет тут. Найдем подходящее поселение, расселим часть толимеков, а сюда переедут несколько родов четлан. Подготовим мастеров, которые построят в этом центре образцовые мастерские: гончарные, столярные, медные и так далее. Начнем производство товаров и инструментов для местных. Но главное, мы будем делиться с толимеками нашими знаниями. Как сделать поля более плодородными, как разводить пе-

кари и тапиров, как работать на гончарном круге, как использовать тачки – вообще всё, чему уже научились Излучное, Крыло и Черное Урочище. Желаящие толимеки могут приходить, учиться, а потом создавать свое дело.

Со свойственной ему дотошностью, Сухая Рука принялся перечислять все задачи, которые необходимо решить для воплощения его новой мечты. Тут же назначал ответственных, расписывал: сколько и каких ресурсов будет нужно. Сын Обезьяны никогда не мог понять, как это всё помещается в голове владыки.

Расписывая перспективы своего замысла, правитель вскочил на ноги, размахивал здоровой рукой. Глаза его горели, лицо было вдохновенным – такой владыка всегда нравился бывшему безроду из трущоб Излучного.

Поиск нового места Сухая Рука планировал начать уже с утра, да только не вышло. Второй день стал днем торжеств. Был устроен большой праздник для жителей Уекахуа: с угощениями и раздачей мелких подарков. Приглашенные сказители пели песни (немало новых необычных песен стали петь сказители!), толимеки плясали и веселились. Позже был устроен смотр войск: местных и тех, что пришли из Четландии. Воины маршировали строем, показывали свое мастерство. А завершился день уже во дворце – пиром для знати.

Только на третий день владыка смог вернуться к своей задумке, протащил свиту по всем окрестностям столицы, пока не нашел подходящее селение в паре часов ходьбы к югу от

Уекахауа. Здесь жило примерно двадцать двадцаток жителей, имелись обширные поля. Деревня выглядела процветающе.

— Коллиль, — владыка подозвал к себе начальника стражи. — Наверняка во время вашего похода на юг некоторые селения там заметно обезлюдели.

Красномордый толимек неуверенно кивнул.

— Нужно составить список таких мест и переселить туда местные общины. Дать им больше земли, чем они имеют здесь, чтобы люди не обиделись. Они укрепят вашу власть в бывших владениях Атотолы, а здесь поселятся четлане. Кстати, безродов не выселяйте, пусть остаются. Рабочие руки никогда не помешают...

Владыка на ходу дополнял, менял свои планы, подгоняя под новые реалии, сыпал новыми задачами, нагружая своих подданных. Кажется, к началу весенних посевных работ здесь уже будут жить четлане.

...Владыка отдыхал на крыше дворца. Это место он облюбовал еще в прошлый свой приезд, ему очень нравился открытый вид на тысячи шагов во все стороны (кроме северной). Поэтому перед новым визитом крышу специально укрепили, построили легкие навесы от лишнего солнца и дождя. С ним были жена, юный князь, а, значит, и его неотлучный советник. Все, подражая привычкам Хуакумитлы, сидели на его любимых неудобных стульях, и только Сын Обезьяны, наплевав на приличия, развалился на полу.

— ...Не любят их, Большой Человек. — продолжал рас-

суждать советник. — Ох, не полюбят. Пришли чужаки, землю себе забрали, обычаи свои всем в нос суют.

— Я понимаю, — рассеянно кивнул Хуакумитла, глядя на засохшие по случаю зимы склоны каменистых холмов. — Чужаков всегда не любят. Но мы в любом случае уже здесь. Мы подчинили Толимеку. А дальнего врага ненавидеть легче, чем конкретных людей. А, если вдруг эти люди еще и хорошими окажутся? Не будут проявлять агрессию, начнут помогать, учить...

— Какой ты наивный, Большой Человек, — вздохнул Сын Обезьяны. — Я всегда думал так про себя. Но ты решил в этом меня перещеголять.

— Думаешь? — улыбнулся правитель. — Может быть... Может быть. Но я не верю в объединение силой. Одной силой. Объединять нужно добром. Не исключено, что ты окажешься прав. Но пока у меня есть надежда...

— Владыка! — крышка потолочного люка откинулась, и в нее разом начали ломиться два здоровяка: толимек Коллиль и Прекрасная Слеза. И кричали они столь тревожно, что смех застрял в гортани Сына Обезьяны.

— Владыка, враги близко! — встал, наконец, перед правителем командир золотых.

— Близко? — Сухая Рука не мог поверить в происходящее. — Здесь?

— Да, — кивнул командующий. — Разведчики сообщили, что с востока идет войско.

– Войско? – всё еще не приходил в себя Хуакумитла. – Но откуда они здесь... Кто... И как далеко?

– Совсем близко, – быстро ответил Прекрасная Слеза на главный по его мнению вопрос. – Разведчик обогнал их ненадолго. Не понимаю, как они подобрались так близко... Наверное, шли тайными тропами. Но гонец уверенно заявил, что их там даже не сотни – тысячи!

– И сколько у нас времени?

– У нас его не осталось, – вдруг влез в разговор Сын Обезьяны, который, не отрываясь, смотрел на склоны восточных холмов. Он даже привстал, чтобы разглядеть получше.

На открытые безлесые террасы выходили воины. Жидкие ручейки превращались в мощные потоки. Десятки, сотни выбирались из зарослей и смотрели на раскинувшееся перед ними селение. А за первыми шли новые и новые отряды.

– Да кто же это такие? – недоумевал владыка.

– Разведчик описал врага, – коротко ответил Прекрасная Слеза. – Они одеты по-разному и даже говорят на разных языках. Но одно описание показалось мне очень знакомым: рослые воины в матерчатых доспехах от шеи и до пят. Желтых с черными пятнами. А на головах – большие шлемы в виде голов ягуара. Круглые оперенные щиты и длинные маки в руках...

– Астеки! – выдохнул владыка.

– Похоже, что они, – опустил голову командующий.

Сухая Рука пристально всмотрелся во вражеское войско.

– Обманули... Твари! – он с силой треснул здоровым кулаком по бедру. – Усыпили! Заставили поверить!

– Беги, государь, – коротко бросил Прекрасная Слеза. – Золотые прикроют.

– Что? Нет! Они еще далеко, мы все успеем уйти!

– Не так уж и далеко... Бегун добежит быстрее, чем я съем ножку индейки. Войско, конечно, дольше будет идти, но вдруг у них там много бегунов? Задержат, а тут и остальные подойдут. Нет, беги сейчас и сразу! А мы их задержим. Вон там отличный утес, если первыми его займем, нас долго выпихивать придется.

Командующий свесился с края крыши:

– Золотые! Сбор перед лестницей! Всем! И живо! – обернулся к Коллилю. – Твои толимеки с нами?

– Я... Мы должны... – красномордый толимек заметно побледнел.

– А! Чужой с тобой! – махнул рукой Прекрасная Слеза и направился к люку.

– Стой, генерал! – выкрикнул Хуакумитла. В его голосе Сыну Обезьяны послышался страх. – Не надо! Это... неправильно...

– Как раз всё правильно, государь, – неожиданно улыбнулся командир золотых. – Ты вот не знаешь, а я ведь чуть второй раз тебя не предал... Ннака ведь говорил со мной. Намакал. А я промолчал тогда... Снова промолчал. Так что в третий раз я уж исполню свой долг до конца! А то что я

скажу Золотому Змею?

Он снова пошел к люку. Но замер.

– Я хочу поблагодарить тебя, владыка. Никогда в моей жизни не было столько счастья, сколько под твоей властью. Это были отличные пять лет!

– Это тебе спасибо... – неуверенно ответил Сухая Рука. Он был заметно растерян.

– Войско начинает спуск с холма, – тихо сказал Сын Обезьяны, который не переставал наблюдать за врагом.

Владыка быстро повернулся к жене и ее брату.

– Быстро вниз! Собираться некогда, идем налегке. Белые нас прикроют.

– Я никуда не пойду! Я князь! – возмутился вдруг мальчишка, сжав кулаки, и у Сына Обезьяны тревожно кольнуло сердце.

– Туа...

– Я тоже остаюсь!

– Что? Прекрати!

– Нет! – девчонка ощерилась, излучая невозможную для ее крохотных размеров ярость. – Это мой народ, и ему грозит опасность! Я. Здесь. Нужна.

И Хуакумитла спасовал.

– Ну, что ж... Наверное, так и надо. Я умоляю вас обоих: берегите себя! Не вступайте в борьбу, проявите покорность. Говорите им, что я был жестоким захватчиком, подчинившим вас силой. Врите в глаза и не бойтесь.

Он хотел сказать что-то еще. Но так и не решился.

– Сын Обезьяны, собери всех четлан во дворце. Уж им-то точно надо будет уходить...

– Надо, владыка. Но соберет их кто-нибудь другой.

– И ты...

– Ты доверил мне этого мальчика, и хочешь, чтобы я его сейчас бросил? – спокойно парировал советник.

Впервые за последнее время Сухая Рука улыбнулся.

– Я знал, что не ошибся в тебе. У князя не могло быть лучшего наставника. Жаль, что это может стоить тебе жизни. Такие, как ты... – он не договорил.

– Я защиту дядю Сына Обезьяны! – грозно свел брови Чокопиц.

– Ты уж постарайся, князь, – без доли улыбки ответил четланский правитель. – И сестру спаси. Постарайтесь выжить все. Враг силен и опасен, врите ему, не стесняясь. А, даст Змей, и я вскоре вернусь.

Сын Обезьяны понял, что Хуакумитла уже начал врать.

...На крыше остался только он. Туа-Онче увела брата вниз: прислугу собрали вместе, чтобы спрятать хоть часть сокровищ княжеской казны. На востоке, на утесе, который успел занять первым Прекрасная Слеза, вовсю шел бой. Крики и грохот доносились даже до дворца. А на западе, меж дворов и огородов тихо бежали меньше сотни четлан: несколько двадцаток Белого воинства и пара десятков горцев, которые уже жили в Уекахуа. Среди них бежал и влады-

ка.

Сын Обезьяны их толком и не видел, но продолжал молить всех духов, чтобы они помогли Аскуатле довести Сухую Руку до дома.

Пролог. Воронов Волос

– Стой! – хмурый стражник на воротах Аграбы поднял руку. – Кто такой? Куда идешь?

– Какалотцонтла, Воронов Волос, медник. На работу иду, – слегка возмущенно ответил юноша.

– Медник? – стражник свел брови еще сильнее и уставился в восковую табличку (неужто читать умеет?). – Вам велено сразу ко дворцу идти.

– Зачем?

– Вот там и узнаешь! Не загораживай лестницу!

Волос пожал плечами и пошел ко дворцу. Он не злился на твердолобного золотого. Последние дни все в Излучном были сами не свои. А уж Золотое воинство и подавно. То, что от него осталось. Жизнь изменилась окончательно с того момента, как в столицу вместо большого каравана, оправившегося на юг, вернулись сотни полторы четлан. В Толимеку вторгся враг, был он бесконечно многочисленным и полным ярости. Золотые во главе со своим предводителем встали на пути врагов и полегли, прикрывая отход владыки. По счастью, Хуакумитла спасся. Он какое-то время пробыл в Мангазее, надеясь дожждаться хоть кого-то из оставшихся в Уекахуа воинов. Дождался. Несколько измученных золотых добрались до четланской крепости, сообщили, что пали все, Прекрасная Слеза отправил в иной мир множество врагов,

но сразили и его. И сейчас враг движется на запад, пожирая всё на своем пути.

Они уже точно сообщили, что в Толимеку пришли теночки-астеки. Не получив согласия владыки Сухой Руки на своих условиях, они не стали продолжать переговоры, а просто молча собрали армию и пустили ее по старому пути, по которому раньше ходило войско аколоуа. Похоже, этот народ ничего не боится и ни в чем не сомневается.

Теперь Излучное превратилось в растревоженный муравейник, куда бросили камень. Город гудел и ждал неминуемого. На юге и на севере по берегам Мезкалы разместили дозоры, которые по нескольку раз в день отчитывались: всё ли спокойно.

Пока было спокойно. Несколько перепуганных торговцев, прибывших с низовий, сообщили, что астеки двинулись на Закатулу. Это был великий город, и у многих возникла надежда, что захватчиков остановят. Но Сухая Рука лишь покачал головой и прямо сказал: Закатулу могли бы захватить и четлане, если бы захотели. Так что сейчас можно гадать лишь о том, сколько дней продержится торговый город. И будет ли он вообще сопротивляться.

Владыка и его двор готовились покинуть Излучное. Это знали все. Все видели, как на Серой Воде сколачивают плоты, собирают свободные лодки. Люди владыки перетряхивали казну, паковали всё нужное и готовили к вывозу. Их, медников, поставили только на переплавку имеющейся руды, ве-

лев остановить иные работы. Владыка собирался забрать с собой весь металл.

Своих товарищей Какалотцонтла увидел издалека. Перед входом во дворец собрались все люди Циля Наукаля: и стектладувы, и мастера тумбаги, и зольноводники.

– Бегом! – замахали они Воронову Волосу. – Ты последний!

Парень, не понимая в чем дело, все-таки перешел на легкий бег и присоединился к общей толпе. Главный мастер Луч Света проводил его хмурым взглядом (сейчас вообще другие взгляды остались?), поднял руки и зычно заговорил:

– Сегодня мы будем сворачивать всё производство. Сейчас каждую группу будут по очереди вызывать к владыке, и он по списку скажет, кто пойдет с ним в Крыло.

– Нас заберут в Крыло? – удивился кто-то в толпе.

– Кого-то из нас тут оставят?! – более испуганно воскликнул другой голос.

– Я что-то неясно сказал? – устало спросил Циль Наукаль; обвел притихших мастеров красными глазами. – Ждите, когда вас позовут.

И ушел во дворец.

Разумеется, первыми вызвали тумбажных литейщиков – элиту всего Ка-Бэ. Оставшиеся расселись прямо на земле и начали перешептываться.

– Говорят, мы даже в Крыле не останемся, – авторитетно заявил кто-то из стектладугов. – Уже несколько месяцев

строят тайный город в горах. Там уже всё есть: и дома, и хранилища, полные маиса, и печи для всех работ.

– Ну, ты заливаешь! – хмыкнул Какалотцонтла. – И кто там эти печи построил? Дикие оцколи? У нас лично ни одного мастера не забирали. А у вас? То-то же!

Тумбажники вышли довольно скоро.

– Довольные какие, – пробурчал приятель Воронова Волоса. – Похоже, всех заберут.

– Медники! – рявкнул черный. Золотых осталось так мало, что даже стражу во дворце теперь несло Черное воинство. – Четырнадцать человек!

Группа Волоса дружно поднялась и робко двинулась ко дворцу. Понятно, внутри никто из них ни разу не был. Стражник пересчитал мастеров по головам, пожевал нижнюю губу и все-таки распахнул вращающиеся двери. Там медников встретил долговязый помощник владыки. Слегка кивнув головой, он повел их за собой по коридору.

Дворец оказался невеликим и довольно простым на вид. Медников запустили в зал, и они, увидев перед собой владыку, робко размазались вдоль задней стенки просторной комнаты.

Хуакумитла сидел на высоком стуле, рядом с ним на таком же ёрзал Луч Света.

– Извините, что не предлагаю вам сесть – нет столько стульев, – начал правитель. Голос его был удивительно мягким и заботливым. – К нам пришли тяжелые времена, но да вы

это и без меня хорошо знаете. Очень скоро в Излучное придет враг. Враг, которому у нас сейчас нет сил противостоять. Я не знаю, как этот враг поступит с Излучным. Со всей Четландией. Надеюсь, просто покорит и начнет использовать в своих интересах... Но я не знаю, что ждет людей – и говорю вам об этом прямо.

Тяжелая тишина повисла в зале. Кто-то кому-то что-то еле слышно шепнул, но на него зашикали.

– В этой ситуации я хочу спасти то, что возможно. Самое ценное. И это – вы.

Вот тут все мастера зашумели. Тяжелое время – но какие теплые слова.

– Самое ценное, что есть в Излучном – это те знания и умения, которые вы все освоили за последние годы. Не только вы лично, а все мастера. В ваших руках и головах кроется главное богатство всей Четландии. Вы ее будущее – полное радости и процветания. И оно обязательно будет, если я сохранию вас. А вы – сохраните и приумножите свои таланты.

– Поэтому! – возвысив голос, продолжил Сухая Рука. – Большую часть мастеров я забираю с собой. Я еще точно не знаю, как далеко и как надолго мы уходим. Но надеюсь, что скоро мы сможем вернуться. Пойдут не все, так как несколько из вас предстоит заботиться об оставленном в Аграбе оборудовании.

И Сухая Рука начал зачитывать имена с листка. Девять имен... И среди них Какалотцонтла к своему ужасу не услы-

шал своего.

– Это всё, – сложил бумажку владыка. – Сейчас идите на свои рабочие места и сворачивайте производство. Пакуйте все инструменты, переносите их и медные слитки на южный склад возле плотов. Вам уже должны выделить двадцатку носильщиков в помощь.

Медники затолкались к выходу, но побагровевший Волос остался стоять на прежнем месте. Циль Наукаль заметил это и состроил грозную рожу: убирайся, мол! Но тот упрямо мотнул головой.

– Владыка! – требовательно спросил он, вызывая ужас в глазах Главного мастера. – Почему не было моего имени?

– Потому что кто-то должен остаться и заботиться о печах и тиглях, обо всей медной базе, – спокойно ответил владыка.

– Но почему я? Я хороший мастер! Я могу хранить и приумножать! Даже Ловкача... то есть, Пиацина взяли! А он вообще толимек!

– Ну, толимека я не оставил потому, что доверяю ему меньше, чем четланам. А что касается тебя... Волос, твой отец, Широкий Дуб, тоже остается здесь. Ему предстоит представлять Излучное... перед врагом. И я подумал, что поддержка сына ему будет нужна.

– Но я могу быть полезен, – предательские слезы стали подкатывать к горлу, мешая говорить.

– Ты и будешь полезен! – вдруг жестко оборвал его владыка. – Ты думаешь, я бесполезных оставляю! Здесь остается

почти всё, что создавали мы долгие годы! С таким трудом! Пройдя через столько ошибок! У меня была мысль разрушить всё, чтобы врагу не досталась ни одна печь... Но рука не поднялась. У Циля Наукаля тоже. Пусть останется. Хоть, врагу, но пусть наши дела живут.

Хуакумитла задумался.

– Другое дело – наши тайны и секреты. Вот их отдавать неохота.

– Я ничего им не скажу! – страстно воскликнул Какалот-цонтла. – Ничему их не научу! Они могут меня пытаться...

– А вот это неправильно, парень, – покачал головой владыка. – Ты же слышал, что я сказал: вы – самое ценное, что есть у Четландии. И твои знания, твоя жизнь ценнее каких-то там тайн. Не борись с захватчиками. Не отказывайся сотрудничать. Но не показывай всех своих возможностей. Притворись неумехой. Про тумбагу вообще ни слова, да ты и вправду ею не занимался. Самое простое объясняй. И делай. Но ведь делать можно по-разному. Ты знаешь много нюансов, как отлить первосортную медь. Но ведь еще проще отлить плохую! С примесями, с пузырями воздуха, в холодной форме... Ну, мне ли тебе объяснять.

Воронов Волос невольно улыбнулся.

– Я понял тебя, владыка. Я... выполню твой приказ.

– Главное – береги себя. И отца. Я хочу, чтобы все вы, по возможности, остались живы.

– Ицкагани пришел, владыка! – заглянул в дверь черный.

– Уже? Ну, зови. Пусть пока остальные мастера немного подождут. А ты ступай, парень! И думай головой! Всегда думай головой и проявляй осторожность.

В зал вошел разнаряженный и прямой, как кол, Левая Рука. Молодой медник поклонился ему, вышел в коридор... и остановился. «Думай головой и проявляй осторожность». Какалотцонтла тихонько приник ухом к двери.

– Всё, Ицкагани, не сегодня, так завтра я отбываю. Лодки астеков появились уже возле Мангазеи и выше. Кажется, Закатула всё. А до нас за три-четыре дня можно добраться. Придется встречать гостей. И тут я доверяю тебе главную роль.

– Мне? Разве не Широкий Дуб останется здесь старшим?

– Дуб. И он получил похожие... указания. Но ему могут не поверить: все-таки он был моим помощником. А у нас с тобой была, мягко говоря, непростая история отношений.

– Да, говори прямо, Хуакумитла. Убить мы друг друга хотели!

– Вот на этом и надо сыграть. Когда придут астеки-теночки, встретить их, как дорогих гостей! Во всем им угождай! Тверди им во все уши, какой я негодяй и как ты меня ненавидишь! Как рад всем врагам Недоноска и готов им всячески помочь! В общем, войди в доверие – и сделай всё, чтобы астеки не оторвались на людях. Пусть воспринимают четлан, как покорных подданных, а тебя – как надежного союзника.

– Понятно. И по мере сил информировать тебя о проис-

ходящем.

– Верно, друг! Широкий Дуб знает, куда слать весточки, даже если враги до Крыла доберутся.

– Ты и тут запасной вариант придумал? Умеешь ты это: продумывать планы дальше, чем твои враги... Одного не понимаю: почему ты не хочешь попросить помощи у пурепеча?

– Не хочу? Да мой человек отправился в Цинцунцанн еще в начале зимы! Только вот вести оттуда не очень радостные. Кажется, законци не готов влезать в такую войну. Но я надеюсь, что захват Закатулы заставит солнцеликого передумать. Вот тогда мы...

– Эй! Ты чего тут стоишь? – черный стражник увидел Волоса, пригревшего ухо у двери.

Парень испуганно дернулся, обернулся и быстро осознал, что думать головой у него еще не очень хорошо получается.

– Владыка велел мне подождать снаружи, – по возможности уверенно ответил он, дождался, пока стражник пройдет по коридору дальше и спешно засеменил к выходу. В Ка-Бэ дым стоял столбом: во всех мастерских перетряхивали каждый уголок, каждую полку. Всё ценное забирали, укладывали в специальные корзины с хитрыми креплениями, которые носильщики закидывали на спины и уносили к южным складам.

«А нам-то что останется? – почесал затылок Волос. – Так мы при всем желании для астеков ничего не сможем сделать».

Облачный Дед ходил от печки к печке и гладил их кривыми узловатыми пальцами. Главный металлург Излучного прикипел к работе всем сердцем: нигде он еще не сталкивался с таким размахом, такими смелыми идеями. А теперь приходилось всё бросать. Какалотцонтле стало неловко на это смотреть, и он отвел глаза.

– Слышь, – окликнул старик Воронова Волоса, поскольку из пятерки остающихся юных мастеров, его негласно выбрали старшим. – Третью печку промажьте глиной – совсем уже вся в трещинах. На ночь протопите, но не слишком.

– Хорошо, мастер, – кивнул юноша.

– Вы уж совсем не забрасывайте, – никак не мог успокоиться Облачный Дед. – Там, в хранилище еще есть немного руды – измельчите. Головы три наплавить можно. Конечно, делать-то ничего особо нельзя... Владыка велел забрать формы для топоров. И для копий с ножами... Но можете мотыги отлить! Верно ведь? Мотыги же – это ничего страшного? Опять же, весна на носу – они людям понадобятся.

Волос вежливо кивал, смущенный горем старика. Потом не выдержал, подхватил свободную корзину с медными болванками и потащил на юг.

До обеда всё нужное перенесли к Серой Воде, и делать сразу стало нечего. Ну, не измельчать же руду, на самом деле? В такой день, когда весь город стоит, словно, ударом дубины оглушенный... Какалоцонтла покинул Аграбу и двинулся домой.

На площади снова стояла толпа. Десятки четлан сгрудились перед храмом и слушали жреца. Красный Хохолок стоял на второй ступени и исступленно вещал. Отложив барабанчики, скинув парадную накидку, он весь вымазался пеплом пополам с жертвенной кровью и кричал в небеса, что великий Золотой Змей Земли прикрыл глаза. Медник не понимал, что это означает, но догадывался, что ничего хорошего.

– Сияет! Сияет Утренняя Звезда, затмевая Луну! – голосил Красный Хохолок, запрокинув голову. – И Чужой восседает на ней! А нечистые дети его, с ядовитыми копьями и маками, уже идут вверх по Великой реке! Почему?! Почему, о Великий, ты закрыл глаза?!

Толпа у подножия храма голосила и рыдала. Воронов Волос вдруг понял, что последние дни жрец проповедует с храма от рассвета и до заката. Как мастер ни проходил мимо – одноглазый представитель бога всегда был тут и кричал одно и то же: Змей закрыл глаза. Периодически он взывал к рыдающей толпе и просил дать силу крови для пробуждения бога. Тут же на ступени взбегали по несколько желающих. Начинались ритуалы с мягким кровопусканием (полные жертвоприношения владыка пресекал; говорят, только один раз в Толимеке совершили подобное).

Не все на площади предавались богоугодному горю. Повсюду кучковались общинники вперемежку с черными. Почти все воины скоро уйдут с владыкой, а у Черного воинства на Сухотье оставались большие поля. Вот крестьяне и

договаривались с людьми Черного Хвоста, чтобы те на время уступили им свои наделы за часть урожая... Пока одни своею кровью старались пробудить бога, другие рядом яростно торговались за каждый мешок маиса.

«Каким же пустым станет этот город уже завтра, – с грустью подумал Какалотцонтла. – Останется только страх ожидания и громкий плач у подножия храма. А потом...».

А потом придут кровожадные астеки. Внезапно захотелось пробежаться до пристани, запрыгнуть в первую попавшуюся лодку и плыть прочь от этого места скорби! Но как бросить Излучное? Как оставить это место, с которым связано столько хороших воспоминаний, столько надежд? Оставить людей, которым скоро станет очень тяжело, которым понадобится помощь.

Дома тоже второй день (как стало ясно, что отец остается в Излучном) постоянно возникали ссоры по этому вопросу. Мать пилила и требовала собрать пожитки в узлы и немедленно уйти прочь из Излучного.

«Хоть, в горы к дикарям! Там и то спокойнее!» – повторяла она снова и снова.

Широкий Дуб огрызался, обзывал ее пустой дурой.

«Не гунди, как индюшка! Всё устроится – владыка мне подробно объяснил, как себя вести перед астеками, что говорить. Так что мы им глаза отведем. Ничего! Как-нибудь всё устроится – астеки ведь тоже люди».

Какалотцонтла сильно подозревал, что его отец вполне

мог последовать совету матери. Только вот никаких сил не хватит, чтобы унести узлы со всем добром, что успел накопить Широкий Дуб, хозяйствуя на рынке. А бросать его отцу очень не хотелось. Вот и согласился попробовать договориться с астеками.

Над Излучным одна за другой протяжно заревели трубы. Душа Волоса холодным камнем ухнула в самый низ живота. Неужели началось?.. Но он быстро понял, что трубят не с реки, а из Аграбы.

Значит, всё. Хуакумитла решил уезжать уже сегодня. И собирает всех, кто примет участие в бегстве в Крыло.

«А ведь я до последнего не верил, что это случится, – с горечью подумал медник. – Верил, что владыка передумает, что озарит его какая-нибудь чудесная идея... Всегда ведь раньше озаряла. В конце концов, что Золотой Змей откроет глаза и прогонит детей Чужого...».

Хотелось развернуться и бежать к Серой Воде, чтобы проводить в долгий путь владыку, Облачного Деда, Главного мастера, своих товарищей...

«Нет. Не буду. Пусть уезжают!».

Глава 1. Тишина в моей голове

Гребаная весна! Тепло еще не пришло, а дожди уже зарядили. Здесь, в горах, весна противна, как нигде больше.

– Владыка, – робко раздалось за спиной.

Я опять сидел на облюбованном камне, замотавшись в двуслойный теплый плащ. С камня открывался манящий вид на скрытые утренней дымкой низины. Обернулся: Аскуатла в промокшей и утратившей привлекательность «фирменной» меховой шапочке смотрел на меня с плохо скрытой жалостью. Не могу его за это осуждать.

– Все готовы?

– Да, владыка. А еще снизу привели вестника.

Я встрепенулся.

– От Широкого Дуба? – Муравей кивнул.

Только четверо человек во всей Четландии знали дорогу к моим тайным лагерям. Вернее, даже не к ним, а к месту встречи в юго-восточных предгорьях. Там постоянно дежурила пятерка белых, которая завязывала гонцу глаза, а после вела его вслепую к одному из двух нижних лагерей, которые прикрывали подходы к базовому лагерю. Там у вестника проверяли пароли, сверяли личность и уже только после этого вели в базовый лагерь... где я сидел на камне и спланировал на камне, закутавшись в одеяло.

Да, мы покинули Крыло. В старой столице удалось про-

быть совсем недолго. Потому что астеки заняли Излучное через четыре дня после того, как я оттуда ушел, и, едва выяснив, в каком направлении скрылся незадачливый «император Сухоруков», тут же бросились следом. Мой план подготовить лагерь в горах стал для нас спасением. Аскуатла нашел сговорчивого оцкольского вождя, выбрал труднодоступное место, к которому вели всего две тропы и в короткий срок организовал там каскад лагерей. Два нижних перекрывали пути наверх, а в главном разместились склады и хижины.

Другое дело, что всего этого не хватало для моей скукожившейся «империи». В Крыло многие мастера и даже воины взяли с собой жен, но, когда стало ясно, что астеки не остановятся, я велел оставить в старой столице большую часть из них. Особенно тех, кто был с детьми. В горы все вывезенные из Излучного припасы пришлось тащить на спинах; так что мы оставили запасы меди, и многое другое. Даже еды взяли впритык, по счастью, в горах кое-что заранее накопили.

— Сначала ведите гонца! — оживившись, командовал я командиру лучников.

Молодой парень, которого провожали под мой навес, вертел головой во все стороны, но, кажется, это был праздный интерес. Ничего опасного. Завидев меня и выполнив все ритуальные поклоны, вестник достал из поясной сумки сложенный лоскут. Послание.

– Как здоровье Дуба? – поинтересовался я, прежде чем развернул тряпицу.

– Заживает, как на собаке, – улыбнулся парень.

Захват Излучного, как я и надеялся, прошел почти бескровно. Убили, кажется, только Красного Хохолка. Когда астеки входили в город, жрец бесновался на ступенях храма, слал проклятья врагам и одновременно рыдал по поводу «заснувшего» бога. На пирамиде он был один, лично разогнав всех верующих. Захватчики закололи Хохолка, сбросили вниз идола и сожгли его. Ицкагани же проявил себя очень убедительным в покорности новой власти и ненависти к Недоноску, то есть, ко мне. Оккупационное руководство быстро пристроило мою Левую Руку к себе, пришлось поручать поручения – и к советам его тоже немного прислушивались. А вот Широкому Дубу повезло меньше. В нем быстро опознали моего человека, сунули в поруб, даже попытали слегка. Но начальник рынка «искренне сочувствовал» новой власти, так что дядьку вскоре отпустили. Однако приближать к себе не стали... Ну, хоть, оклемался.

Я развернул послание.

«Враг с севера вернулся. На Жаркие Земли не пошел. В Излучном – тысяча. По селениям отряды меньше. Усмиряют. Все хорошие воины. Хорошее оружие. Каменное. Купец сказал – в Закатуле две тысячи. Все хорошие воины. Не возвращайся».

Я невольно вздохнул. Получается, дальше на север, в зем-

ли пурепеча, астеки не пошли. А я так надеялся, что они сходу и с ними в бои ввяжутся – это резко повысило бы мои шансы. Оккупация Четландии продолжается. Хотя, большая часть многотысячной армии захватчиков ушла, в Излучном и окрест остается больше тысячи «хороших воинов». Это значит, не крестьянское ополчение, а профессионалы. Мне с моими несколькими сотнями лучше не лезть. Тем более, что не так далеко – в Закатуле – еще две тысячи «хороших воинов».

Поблагодарив гонца и приказав дать ему еды, питья и отдых, я направился на утреннюю планерку. Представители воинов, мастеров и мои управленцы сидели в большом кругу на циновках и ждали меня. Всё, никаких стульев, которые так не любят местные – теперь снова мы стали «ближе к земле». Добчинский взял слово первым.

– За прошлый день мы никого не потеряли. Воинов в трех лагерях 310, мастеров – 86, крестьян и носильщиков – 62, женщин – 29. Твой личный двор, владыка – 27 человек.

Уже четвертый день цифры не менялись. Четыре дня я никого не терял здесь, в горах. И это, пожалуй, было моей единственной победой.

– Пакали, что с больными? – повернулся я к единственной женщине в совете, которая возглавила медицинскую службу вместо Сына Обезьяны.

Хотя, нет. Не единственная. Позади советников, в уголочке тихонько сидела Ночка и «вела протокол» собрания. Ко-

гда мы решили уходить из столицы, она просто молча пошла с нами. В Крыле я хотел ее оставить, но нелюдима девушка уперлась. Пойду – и всё тут. Я махнул рукой. В конце концов, никто лучше нее не знал письменность, это ведь ее изобретение. Возможно, Дитя Голода знал не хуже, но этот паренек сейчас очень далеко.

– У нас четырнадцать нездоровых, – низким грудным голосом отчитывалась Пакали, имя которой переводится, как Мытая. – Всех перевели в верхний лагерь. Один получил рану на охоте, двое – на тренировках. Семеро страдают от нездоровой пищи. И у четырех – внутренние хвори.

– Людей с хворями поместили отдельно? – уточнил я.

– Как ты и велел, – кивнула Мытая. – Они в крайней землянке.

– Что на рубежах?

– С низин на нашу территорию никто не заходил, – ответил Брат Гнева, ответственный за все посты в горах. – Двое мастеров пытались спуститься. Воинам сказали, что заблудились. Но, судя по всему, шли в четланское селение.

– Циль Наукаль?

– Я никого не посылал, – хмуро ответил Луч Света.

– Уж я надеюсь на это! – не менее хмуро бросил я в ответ. – Почему ты не уследил за ними?

– Они не мои проданные. А я не надзиратель...

– А придется им быть! – хлопнул я. – В тяжелые времена каждому приходится делать то, что ему тяжело. Я всем ска-

зал: выходить в низины и открывать наше местоположение нельзя! Нельзя категорически!

– Им скучно, владыка, – вздохнул Циль Наукаль. – Мы столько лет отбирали самых талантливых. Тех, кто любит работать, открывать новое, делать невиданное... А здесь им что делать? Только рыть ямы и делать землянки? Да и этой работы мало.

– Скучно – не совсем подходящее слово для нашей ситуации, – невесело хмыкнул я. – Что у нас по запасам?

Кряжистый мужчина, криво сидевший на циновке из-за поврежденной ноги, тут же откашлялся и потянулся к восковке. Яумоцтла или Приходящий Завтра был черным, одним из первых, набранных еще в Крыле. На войне с пурепеча он получил серьезную рану, изуродовавшую его левую ногу. Из-за хромоты он не мог больше стоять в строю и лишь изредка занимался обучением новобранцев. Зато крестьянином на своем участке он стал образцовым. Лучше всех знал, что, когда и куда сажать надо, как ухаживать за растениями. Главное: Яумоцтла прекрасно освоил все новые инструменты и активно адаптировал предлагаемые мной агротехнологии (из тех скудных запасов знаний, что у меня имелись). Сейчас, когда централизация моей крохотной «империи» достигла апогея, умелый земледелец с военным опытом стал идеальным кандидатом для того, чтобы руководить крестьянами и следить за запасами.

– Если считать по тем нормам, что ты указал, владыка, –

хрипло пробасил Приходящий Завтра. – То мяса у нас на два дня, а зерна и овощей – на двенадцать. Но можно и растянуть.

– Не надо растягивать, я жду поставку маиса из Крыла. Надо держать носильщиков наготове. Возможно, черные тоже помогут.

Черный Хвост лишь молча кивнул: помогут. Тем более, голодать в горах никто не хочет.

– Ладно! – подытожил я планерку. – Какие-то вопросы, замечания, предложения по текущей ситуации имеются?

Луч Света покосился на господ советников и поднял руку.

– Ну что?

– Почему моих людей заставляют ежедневно ходить строем с оружием?

– Цель, ты уж реши, на что ты жалуешься? То им скучно, то им не дают поскучать! Для того и муштруют вас, чтобы не заскучали здесь, в горах!

Это было правдой отчасти. В горах, действительно, немного работы. Обустроиться, возвести дополнительные жилища – и всё. Это уже почти закончено. Лучники гоняют по горам в поисках еды, а вот остальные живут праздной жизнью. Особенно, мастера, для которых в горах не было возможностей проявить себя. Мастерские мы обустроили по минимуму – лишь самое необходимое для жизни. Строить капитальные сооружения не имело смысла, так как никто не мог сказать, сколько времени мы здесь продержимся. Да и

доступ к сырью тоже был ограниченным. Как и возможности для торговли.

Мы партизаны.

Поэтому уже через несколько дней нашего кукования на тайных базах, я остро понял, что надо всех пристроить к муштре. Ибо безделье и бесцельность – очень опасны. Дизмораль будет расти стремительно и неотвратимо... Она и так растет. Но обучение боевым приемам хоть как-то мешает этому процессу. К тому же, враг рядом. В случае опасности мне понадобится каждый воин. Умение ходить строем, тыкать копьём или лупить макой окажется намного важнее и полезнее, нежели умение плавить стекло или лить тумбагу.

Очень надеюсь, что такая ситуация не возникнет. Но если! Лучше уж у меня окажется под рукой пять сотен воинов, а не три.

Над кругом совета поднялась новая рука. Брат Гнева держал ее слегка неуверенно, но с решимостью не опускать ни за что.

– Слушаю.

– К тебе пришел гонец с низин, владыка, – не спрашивал, а утверждал командир. – Какие есть новости? Может быть, нас здесь ждут какие-то перемены?

– Увы, похоже, что нет. Из новостей главные две: астеки так и не вторглись в земли пурепеча, так что те в войну не вступили. А в Излучном и по всей Четландии остается слишком много вражеских войск для того, чтобы мы могли по-

пробовать с ними повоевать.

— Но ведь с врагами можем биться не только мы! — с жаром включился в дискуссию Теплый Ветер. — В низинах полно мужчин. Ты призовешь их, владыка, и нас станет гораздо больше. А, если напасть внезапно, с разными хитростями, на которые ты горазд...

Я грустно покачал головой.

— Мне тоже не хочется сидеть здесь, Теплый Ветер. Но сейчас нам нельзя рисковать. Здесь, в горах, последнее зерно нашей державы. Погибнет оно — Четландия закончится. Бесповоротно. Да, мы можем поднять людей. Может быть, целую тысячу. Но тебе ли не знать, командир, разницу между обученным воином и обычным крестьянином! К тому же, нам нечем их вооружить, арсенал остался в Аграбе. Того, что мы унесли с собой, не хватает даже на наших людей, что ютятся здесь, в горах.

Я помолчал.

— Конечно, шанс есть. Если, как ты говоришь, с хитростями, то, наверное, мы смогли бы разбить местные отряды. Да только в Закатуле астеков еще две тысячи! Сама же их империя может послать на нас и восемь и дважды восемь тысяч! Что тогда делать? Снова бежать сюда? Хорошо, если удастся. Но, возможно, разозленные враги уже не дадут нам отсидеться в горах. Да хоть и дадут! Поддержат ли нас четлане в следующий раз?

Теплый Ветер лохматил руками волосы. Он не хотел со-

глашаться со мной, но не имел ответы на мои вопросы.

– Мы должны вернуться так, чтобы удержать нашу власть. Иначе нет смысла.

– Но как это сделать, если враг столь силен? – с легкой обреченностью в голосе спросил Брат Гнева.

А вот с такими нотками надо бороться сразу и всерьез!

– Всегда есть способ! – резко выкрикнул я. – Просто надо его найти. У нас есть возможность не спешить. Есть возможность думать. Прежде всего, нам нужны союзники. В идеале – это пурепеча. Они уже били астеков. Говорят, даже большую армию, чем мы били в землях чумбиа. В их городе сейчас находится Дитя Голода. Я очень надеюсь, что он сможет доставить весточку и скажет определенно: помогут ли нам рыбоеды или нет. Но даже, если нет – можно искать других. Та же Закатула – вдруг ей власть астеков встанет поперек горла? Аскуатла уже послал своих людей прямо через горы в Толимеку: узнать, какая ситуация в Уекахуа, что стало с нашими золотыми, с моей женой... А еще они постараются выяснить, вступят ли толимеки с нами в войну против астеков. Как видите, вариантов много, и работа ведется. Через наших людей в Излучном, в Черном Урочище я ищу сведения о более дальних землях. Может быть, там найдутся те, кто вступят с нами в союз. И тогда это уже будет более надежный шанс, нежели ломиться на врага в одиночку.

– Нашел ли ты кого-нибудь, владыка? – поинтересовался молчавший всё время строитель Горный Хлопок.

«Надо что-то сказать! Надо подпитать надежду людям!» – скомандовал я себе. Беда в том, что сведений было совсем мало, и найти сильных врагов астеков мне не удалось.

– Есть такие, – неспеша начал я, стараясь выудить из памяти все разрозненные сведения. – Далеко на востоке, дальше и чумбиа, и пантеков живет народ, которых астеки прозвали «разрисованными». Тлапанеками. Они живут и в горах, как мы, и у моря. Так вот, мне рассказали, что горную часть этого народа – мефаа – теночки покорили. Там в горах, добывают драгоценные камни, поэтому наши враги приложили много сил для захвата этих земель. А вот приморскую часть народа – их называют йопи – не подчинили.

Я обвел советников торжествующим взглядом.

– Представляете! И на севере, и на востоке, и на западе – всё покорили астеки! А этих йопи – не смогли!

– Они, наверное, очень могучие воины? – спросил меня Теплый Ветер.

Словно, ребенок смотрит на тебя своими наивными глазами и просит подтвердить, что Дед Мороз существует...

– Я... Я точно еще не знаю. Но мы собираем сведения. Возможно, нужно послать наших людей в те земли и выяснить точно. Но, в любом случае, в качестве союзников «разрисованные» нам не помешают.

Народ слегка повеселел.

– Конечно, не помешают! – бодро выкрикнул Желтое Лицо, моя несостоявшаяся Третья Рука. – Но я бы предпочел

пурепеча – мы хорошо знаем, на что они способны, да и поближе эти рыбоеды.

Рядом что-то неразборчиво, но явно зло пробурчал Черный Хвост. Уж он-то, переживший страшный плен, точно ничего хорошего о пурепеча сказать не мог. Но сдержался. Понимает, что сейчас нам любой союзник пригодится.

– Да, – чуть севшим голосом согласился я с Лицом. – Войско пурепеча нам бы не помешало...

– Ну, ничего, скоро Голодное Дитя до нас доберется! Уж Змей-то поможет!

И вот на этой фразе – на банальном присловье – я сломался. Потому что...

Потому что вот уже третий месяц я ни разу не слышал голос Желтого Червяка в своей голове. Наглухо. С того самого дня, как в Уекахуа появилась армия астеков – Золотой Змей смолк и больше ни разу не давал о себе знать.

Я ведь даже не сразу понял это. Не до того, знаете ли, было. Бежали домой – только пот на бегу смахивали. А потом – я с удивлением понял, что уже много дней не слышу едких замечаний голосом нупогодишного волка. Вообще! Никогда такого не было... и вот стало.

Я с удивлением понял, что не просто привык к нашим шизофреническим диалогам. Мне их не хватает! Не хватает единственного в этом мире собеседника, которому я могу открыться полностью. Могу всё рассказать, и он поймет! Нахамит, конечно, как всегда, но поймет!

И больше этого не было. В Излучном я два дня по нескольку часов сидел у идола, выманивал бога на беседу. Тщетно. Потом начал даже сам с собой диалоги вести. Но это было совершенно не то.

А еще... Нет, я прекрасно понимаю: мой бог – это всего лишь я. Всего лишь частичка меня, которую сунул мне вдогон загадочный Месроп. Или она всегда была во мне? Или вообще всё наоборот... В любом случае, живя среди мистически мыслящих людей, невольно и сам начинаешь также мыслить. Вот я и мыслил: а не случайно ли это? Почему бог замолчал именно сейчас? Именно тогда, когда вокруг всё рушилось! Когда он так мне был нужен!

И Красный Хохолок этот с его ежедневными воплями. Бог заснул! Бог, открой глаза!.. Как будто он что-то чувствовал. Знал?

Земля тебе пухом, неистовый одноглазый жрец. Ты мне точно уже ничего не объяснишь.

– Совет окончен, – глухо произнес я, ссутулившись и глядя в землю. – Все ступайте к своим людям.

Глава 2. Странный Ицкагани

– Налево! Да, налево же! – орал командир пятерки черных, вздувая вены на толстой шее. – Нет! Не сейчас! Ровно, когда команду! Дурачина мастеровая, весь смысл в том, чтобы повернуть вместе! Понимаешь? Чтобы строй оставался! Оставался! Неколебимый! Строй!

Последние три слова командир сопровождал ударами тренировочного копья по щиту горе-новобранца. Перед пятерником стояли двадцать воинов... нет, человек. Потому что кроме родной пятерки командиру для обучения передали часть ремесленников и несколько носильщиков. Разумеется, у разношерстной компании выходило плохо. Да и сам командир выглядел не очень опытным в обучении – вот и началось.

Я стоял чуть выше, на взгорке, в тени кустарника, и тренирующиеся меня пока не замечали. Пятерник орал уже довольно давно, досталось многим. Видимо, в его вселенной эффективность обучения была прямо пропорционально связана с громкостью его воплей. Только вот, если крестьяне и носильщики реагировали на это покорно, то мастеровая братия, воспитанная Лучом Света несколько иначе, не собиралась терпеть.

– Не ори на меня! – ремесленник стукнул щитом по земле (кажется, он целился в ступню своего командира, но тот вовремя убрал ногу). – Не можешь, нормально объяснить, не

пытаться! Откуда я знаю, когда именно нужно поворачивать?

Встретивший отпор черный моментально набылся, ко-
стяшки его крепких пальцев побелели на древке трениро-
вочного оружия.

– А ну, цыц! Просто делай, что говорю! Не получилось –
исправляй! Будь, как все!

Интересно, это официальная методология тренировки в
Черном воинстве? Если да, то надо побеседовать с Черным
Хвостом – как-то не очень эффективно получается. Вон, на
ремесленниках уже не работает. Эти ребята привыкли, что
сначала надо понять. А потом повторить.

Внизу конфликт разгорался не на шутку. Мастеровой то-
же разгорячился, стал кричать. Что черный ему – никто. У
него, мол, свои командиры есть. Пятерник совсем потерялся:
неподчинение не вписывалось в его картину мира. Он пони-
мал, что надо карать и прямо сейчас. Однако, к «бунтовщи-
ку» уже пристраивались его собраты по ремеслу. И все они
были вооружены, хоть тренировочным, но оружием!

Пора вмешиваться. Я выбрался из тени и принялся спус-
каться по камням, по возможности, не теряя величествен-
ного вида. Бузотеры заметили владыку и быстро стихли. Но
сопели, как паровозы.

– Очень хорошее время для ссоры, – я решил выбрать мо-
дель поведения Будды. У каждого из конфликтующих име-
лась своя правда, так что орать и карать будет неправильно.
Попробуем пристыдить. – Просто лучшее время. Ваша стра-

на захвачена астеками. В ваших домах поселились враги. А вы, вместо того, чтобы сплотиться, грызетесь друг с другом. Вот астеки порадовались бы, узнав об этом.

Я говорил тихо, спокойно, медленно. С легкой грустью в голосе. Немного театрально получалось, но для данной местности пойдет. Спорщики стояли, как нашкодившие мальчишки, и ковыряли землю носками сандалий.

– Помогайте друг другу! Ты, – я указал пальцем на командира черных. – Считаешь его плохим воином. Но ведь так и есть! Этот человек никогда не учился тому, чему ты учишься уже годы. Ему трудно понять. Прояви терпение, удели ему больше внимания.

Палец перешел на ремесленника.

– Ты считаешь, что тебя учат плохо? Помоги воину делать это лучше! Добрый совет никому не помешает. Расскажи, как учат у вас, в Ка-Бэ. Вдруг поможет?

Рука опустилась.

– Помогайте друг другу. Сегодня это ценно, как никогда. Иначе, как мы вернем наш дом?

Вроде бы вышло неплохо. Хотя, сама по себе ситуация печальная. Люди раздражены, люди теряют надежду. Сидение в горах убивает дух. Двух месяцев не прошло, а всё вокруг расклеивается, разваливается. К тому же, снабжение всё хуже. Приходится даже продавать запасы меди. Но это можно делать только на юге, в Толимеке, где и спрос есть, и угроза быть пойманными ниже. Только вот через горы много товара

не перенесешь.

– Владыка, Мониехвостый пришел.

Я скорчил гримасу. Вождь приютивших нас оцколи носил длинное и замудренное имя, которое трудно было адекватно перевести. Лучше, что мы смогли подобрать – Молниехвостый. Разумеется, он был не рад такому соседству, но вождь был падок на подарки, и этим мы пользовались.

– Надо подсобрать шкатулочку всякой мелочевки, – распорядился я, прежде чем двинуться на встречу.

Крепко сбитый, крупный Молниехвостый (который, тем не менее, еле дотягивал мне до подбородка) нервно теребил край циновки, на которой сидел.

– Доброго дня тебе, вождь, – широко улыбнулся я ему. – Пусть духи твоего рода оберегают тебя.

– И твои-тко тебя, – кивнул в ответ горец. – Большой вождь, людovy недовольничают.

«Началось! – мысленно закатил я глаза. – Начинает кланчить».

– Чего не так?

– Лес пустовует. Звери-тко твоешными воями повыбиты. Нет совсем охоты. Совсем.

– Извини, вождь, но нам нужно есть. Я думаю, небольшой скоромный подарок сможет утешить твоих людей.

Как раз поднесли шкатулку, я велел открыть ее и протянуть горцу. Оцколи невольно потянулся к безделушечным сокровищам. Но замер и убрал руки.

– Нет, – вздохнул он с горечью. – Что те каменюки, их не поедовить. Большой Вождь... Не трожь лес. Не пущевай своих охотников! То наше угодье. Мы там кормимся.

Я пристально всмотрелся в дерзкого вождя. Тот крихтел-сопел, но взгляд выдержал. Видимо, и впрямь его роду тяжко приходится с такими соседями. Аскуатла тоже жаловаться стал, что дичи совсем мало, приходится уходить за ней всё дальше.

– Може... Може, тебе возвернуться в свои низинища? – практически прямо послал меня оцколи.

– Я бы и сам рад... Да нет такой возможности, вождь. Ты уж потерпи.

– Мочи нет терпеть!

– Давай так: пусть твои люди покажут, где заканчиваются ваши охотничьи угодья. И мы станем охотиться дальше.

Молниехвостый обрадовался, а я внутренне улыбнулся: все равно охотникам придется уходить за добычей дальше, так что мы ничего особо не теряем. Кроме того, что мясо будет добываться еще дольше... Проклятье!

Горский вождь выразительно посмотрел на шкатулку, но я его намеки проигнорировал. Надо было сразу брать.

Вопрос пропитания становится самым острым. Поставки зерна из Крыла еще идут, а вот из Излучного почти прекратились. Широкий Дуб жалуется, что астеки выгребают всё подчистую. Да и трудно вывезти много зерна под их надзором. Нужно было изыскивать внутренние резервы. По сча-

стью, приближалось время весеннего сева (в наших горах – просто сева, здесь два урожая вырастить невозможно). Приходящий Завтра уже вторую неделю, как развернул бурную деятельность по подготовке полей. Вокруг наших лагерей изыскивали любые удобные места под участки, выжигали растительность. Рабочих рук было хоть отбавляй, так что сотни человек ежедневно вручную корчевали корни, собирали и уносили камни с участков. Некоторые ходили по склонам с корзинами, собирали плодородную почву и рассыпали по будущим участкам.

Работа кропотливая, и, похоже, эти трудозатраты не окупятся, но я поддержал начинание. По крайней мере, у людей появилось дело, конкретные цели. Хотя, все мы надеялись, что до сбора урожая уже переместимся в низину.

Через три дня однообразного бытия меня разбудили самой долгожданной новостью.

– Владыка! Люди Ицкагани пришли... Они Конечинмайлу привезли.

Я моментально вскочил с постели.

– Как привезли? Что с ним?

– Живой-живой, владыка! – засуетился стражник, осознав, что брякнул двусмысленность. – Просто он-то пути не ведает, вот поэтому и привезли.

– Ко мне немедленно!

Когда Дитя Голода вошел в мои «хоромы», я не удержался и стиснул его в объятиях. Одной рукой, но так, что на две

обычных хватило бы. Все мои надежды и тревоги замыкались на этом человеке, который должен был найти помощь в Цинцунцанне.

— Ну?! — я ждал главного... но мой посол отрицательно мотнул головой.

Я выдохнул и сел. Это была моя главная надежда... Ну, хоть, какая-то определенность.

— Ладно, давай теперь по порядку.

В мою хижину уже вваливались поднятые вестниками генералы. Тихонько садились у стеночки и слушали Конечинмайлу.

— Я сначала, как ты и велел, владыка, неприметно ситуацию изучал, — вещал Дитя Голода. — В Цинцунцанне тревожно было. Все шептались о набегам степных чичимеков. Кого-то разбили на далеком западе — я даже не знаю, как далеко. А потом до меня дошли вести о нашествии астеков на наши земли... После этого я решил открыться и заявить, что я твой посланник. Но... Но меня даже не допустили к их правителю — каконци. Я в то время уже свел знакомство с несколькими купцами из Закатулы, они мне и помогли обжиться в столице пурепеча. Торговцы с помощью своих связей свели меня с уандари всех купцов, вхожим во дворец. Тот сказал, что нужны дары. Купцы снова помогли мне. И я с дарами прошел к управителю одной из четвертей. Тот дары принял, меня выслушал. Но в итоге ничего не сказал, и встречу с каконци не организовал. А потом... А потом из

Цинцунцанна вышли сразу два войска: тысяч по пять каждое, не меньше. И состояло оно почти из одних уакусеча и кенгариеча. Почти все знатные роды ушли в те походы: один на север, другой – на запад. И я понял, что теперь пурепеча точно нам не помогут. В столице войск почти не осталось.

Дитя Голода развел руками.

– Я написал послание, отправил его домой, на удачу. А потом и сам двинулся. В Горячих Землях пристроился к торговцам и двинулся вниз по Мезкале.

– Мне никакое послание не приходило, – заметил я.

– А я сейчас расскажу, – улыбнулся Дитя. – Когда мы плыли в сторону Излучного, на реке стояли несколько рыбацких лодок. Оказалось, не просто так стояли. Рыбаки те были из Черного Урочища, причем, те, что меня в лицо знали. Подплыли к каравану, заметили меня и сказали, что великий имачата Ицкагани приглашает меня к себе. Я удивился, но ситуация-то сложная. Может, вы здесь так договорились.

– Нет, – протянул я, подобравшись весь. – Мы так не договаривались. Продолжай.

– Далее рыбаки поступили еще страннее. Высадились на берег и потащили меня в Урочище горами, хотя, у них были лодки. Там Ицкагани меня встретил и объяснил, что послание получил он сам. Владыка, говорит, в горах прячется, найти его трудно, так что он не стал рисковать посланием и оставил его у себя.

Уже все генералы смотрели на меня удивленно. От Конеч-

цинмайлы не укрылись эти взоры, но он продолжил.

– Я настаивал, говорил, что мне очень важно встретиться с владыкой. Ицкагани держал меня у себя «в гостях» два дня. Потом все-таки согласился отвезти. И это тоже странно произошло: меня положили на дно лодки, укрыли тряпьем и корзинами и так везли почти до самого Крыла... Имачата объяснил это тем, что кругом враги...

– А я говорил! – влез в разговор Черный Хвост, который никогда до конца не доверял хозяину Черного Урочища. – Зря ты положился на Ицкагани. Я знаю, владыка, ты веришь, что заколдовал его. Но этот хитрый койот просто себе на уме. Выгадывает. Вот и решил, что с астеками ему выгоднее.

– погоди! – скорчил я гримасу недовольства. – Он ведь Дитя доvez. Доставил!

– Видимо, решил, что опасно еще открыто выступать. К тому же, уж прости, Конечинмайла, но ничего важного ты нам не привез... То, что пурепеча не придут – так, может, нам только хуже от этого знания... А письмо он зачем перехватил? Ведь он знает, как доставить его в горы!

– Письмо, это да, – кивнул я, качая головой. – Это, действительно, странно.

Так мы ни к чему и не пришли на том спонтанном совете. Доверять Ицкагани – это, конечно, был риск с моей стороны. Слишком много у нас в прошлом было проблем... Но именно это и делало его идеальным кандидатом на место двойного агента. Только ему и могли поверить астеки. Только этот

имачата мог сдержатъ гневъ завоевателей и организовать мирное «покорение» Четландии. Безъ лишнихъ жертвъ.

Кто бы зналъ, что этотъ длинный день окажется столь богатымъ на гостей снизу!

— Владыка! — уже въ темнотѣ услышалъ я призывъ стражи. — С низины привели гонца отъ Широкаго Дуба. Вести къ тебѣ? Или пусть до утра обождетъ!

— Веди, конечно! — вскочилъ я съ циновки, на которой предавался ковырянію ранъ, ибо сонъ, какъ назло, не шелъ. — В большую хижину веди!

Посланникъ — уже знакомый гонецъ, который приходилъ въ нашъ лагерь въ третій разъ — съ поклономъ протянулъ мнѣ новую тряпицу (бумага, видимо, въ Излучномъ совершенно кончилась). Письмо было непривычно короткимъ даже для Широкаго Дуба.

«Астеки уходятъ. Что-то случилось на югѣ. Въ Излучномъ осталось только двѣ сотни. Приходи, владыка».

Меня бросило въ жаръ.

— Всѣхъ воинскихъ советниковъ ко мнѣ! — крикнулъ я въ темноту. — Быстро!

Всѣ равно генералы плелись мучительно долго. Или это я себя съедалъ въ нетерпѣніи? Вонъ, Аскуатла ажъ запыхался — такъ бежалъ. Едва командиры расселись, я передалъ тряпицу Теплому Вѣтру, какъ самому подкованному въ искусствѣ разбирать буквы.

— Читай вслухъ! Это отъ Дуба.

Золотой начал медленно, мучительно прилепляя складки друг к другу. Но, уяснив главную идею, вдруг занервничал, начал путаться, пожирая короткий текст горящими глазами.

– При... Хо... Дивла... дыка! Да! – заорал он, одолев послание и уяснив его суть. – Надо выступать! Утром же!

– погоди! – тормознул я Ветра; обернулся на остальных, увидел такие же глаза и рявкнул. – А ну, остыли все! Давайте думать.

– Да что тут думать... – завелся было Теплый Ветер, но получил сильный тычок от Желтого Лица.

– Жаль, непонятно, что «случилось на юге», – вздохнул Аскуатла. – Понять бы, насколько там у астеков серьезные проблемы...

– Пока будем пытаться узнать, можем потерять удобный момент, – встал на сторону «решительных» Брат Гнева.

– А удобный ли он? – заметил я. – Ведь главная наша надежда – пурепеча – все равно не придут. Мы с астеками один на один.

– Значит, одни справимся! – не унимался Теплый Ветер. – Если врага можно бить, его надо бить. Владыка, дай мне хотя бы золотых, я подниму Излучное – и мы выбьем астеков сами!

– А потом? – прищурился я. – Вернутся остальные с юга и?

– А мы не будем ждать! Раз уж что-то случилось на юге, значит, появились у нас союзники! Может, Закатула, может,

толимеки – без разницы. Кучей бить всегда сподручнее, чем по одному.

– А, если проиграем?

И тут слов взял Черный Хвост.

– Значит, проиграем, владыка, – тихо сказал он. – У нас выбор невелик. Можем, остаться здесь и сгнить заживо. Мы уже гнием. А можем рискнуть. Кто знает, может, как раз сейчас самая выгодная ситуация сложилась? Вдруг объявился у астеков враг сильный!.. Но даже если нет, я всё равно считаю, что нам тут оставаться нельзя. Здесь в горах мы теряем державу.

Блин, как же он был прав. Я закусил губу. Не в моих правилах ставить все фишки на одно число. Очень не хочется этого делать, но, оставаясь здесь, мои люди скоро перегрызут друг друга.

И я кивнул.

– Выступим послезавтра. С утра занимаемся подготовкой отряда. Отберите всех хорошо обученных крестьян и носильщиков. Мастера пойдут частично, я лично отберу тех, кого нельзя брать в поход. На базе останется двадцатка белых, женщины, больные и самые полезные мастера. Проверьте оружие, снаряжение, подготовьте еду на три дня.

Командиры довольно кивнули.

– А ведь Черный Хвост днем всё правильно понял про Ицкагани, – неожиданно выдал в воздух Муравей.

– Ты о чем, Аскуатла?

– Да об Ицкагани я, – хмыкнул командир лучников. – Похоже, Левая Рука предал тебя, владыка.

Я молчал. Разрозненные детали начали складываться в моей голове в единую картину. Но Аскуатла и сам вслух всё отлично обрисовал.

– Письмо он утаил. Из него понял, что Конединмайла скоро вернется. Послал своих людей вверх по реке, чтобы те перехватили его. Потом прятал у себя, провез его по реке под мешками и корзинами. Зачем это всё? Да, чтобы Дитя не попал в Излучное, не увидел, что астеков осталось крайне мало и не сообщил тебе об этом! А? Вроде и не навредил, а самое важное скрыл. Боится Ицкагани, что ты Излучное отобьешь!

– И верно, – выдохнул потрясенный Теплый Ветер. – Тем более, надо выступать, владыка! Сначала в Излучное, а потом и в Черное Урочище!

Я невольно улыбнулся.

– Погоди, дружище. Давай постепенно. Сначала мы выступим в Кривые Сосны.

Разговоры в тени – 1

– Да почему ты не знаешь-то? – Воронов Волос закатил глаза, еле сдерживаясь. – Это ведь Кривые Сосны?

– Конечно, чему тут еще быть, – улыбаясь, подтвердил крестьянин.

– Вот! Значит, здесь где-то начинается тропа к лагерю владыки. Видишь, я точно знаю!

– Какому еще лагерю? – деревенщина так старательно и так фальшиво изобразил недоумение, что Волосу захотелось треснуть его. – Ничего ни про какие лагеря не знаю.

– Ой, ну хватит уже! – медник пытал уже пятого или шестого крестьянина, и все уходили в отказ. – Я понимаю, что это тайна. Но я же свой. Я Каколотцонтла, сын Широкого Дуба. Я мастеровой Циль Наукаля. Меня там в горах каждый второй знает и подтвердит, что я свой. Ну, покажи дорогу! Это очень важно.

– Что ж, тебе твои начальники дорогу не указали? – прищурился кривососёнец.

– Значит, знаешь про лагерь! – вскинулся медник.

– Какой лагерь? – старательно изобразил недоумение крестьянин, и Волос понял, что всё запустилось по новому кругу.

– Послушай, ну, не успел я у отца узнать путь... Очень срочно всё случилось. Я важные сведения владыке несущ...

– Кто это тут важные сведения владыке несет? – на тропе между узких лоскутов крестьянских полей стояла целая двадцатка лихих парней с меховыми хвостиками на головных уборах.

И каждого в руках было по мощному луку. Белое воинство!

– Я! – радостно закричал Воронов Волос. – Я несу! Пожалуйста, отведите меня в горы к владыке! У меня важные сведения...

– Ну, тогда тебе в горах делать нечего, – улыбнулся широколицый лучник. – Владыка скоро сам здесь будет.

– Как здесь? – опешил медник. – А почему?

– Мы идем Излучное отвоевывать! – радостно выкрикнул совсем молоденький белый и тут же получил подзатыльник от товарища.

– Значит, так, – остановил веселье командир. – Ты тут один?

– Один он, могучий воин! – влез в разговор крестьянин. – С раннего утрачка приплыл на лодочке махонькой... И всё выпытывает у народа: где лагерь владыки? Где лагерь владыки? Но мы приказ помним: никто ему ничего не сказал.

– Ясно, – пресек двадцатник болтовню местного мужичка. – Значит, пока, парень, остаешься с нами. Придут командиры, мы о тебе доложим.

– Сюда придут? – всё еще растерянно спросил Воронов Волос. – То есть... То есть, вы, правда, хотите напасть на

Излучное?

Белые многозначительно молчали.

– Послушайте... Это ошибка! Нельзя этого делать! Ответьте меня к владыке! Сейчас же! – последние слова он уже кричал в отчаянии.

Двадцатник задумчиво жевал губу. Наконец, махнул стоявшим слева:

– Вы трое: берите этого парня и ведите его в горы. Вдруг и правда, что важное. Быть бдительными и глаз с него не спускать!

– Обижаешь, командир!

И они побежали в горы. Сначала мастеровому казалось, что они бегут слишком медленно, он всё хотел их поторопить. А через некоторое время уже мечтал перейти на шаг. Но белые, даже не сбив дыхание, продолжали бежать легкой трусцой. Приходилось хрипеть, сипеть, но подстраиваться под них.

Горы еще толком не начались, как в узкой лощине, им навстречу вышло войско. Длинная кишка воинов втянулась в узкую тропу, они шли тесно, где по двое, где по трое, но конца и краю этой змее, укрытой в панцирь щитов, видно не было.

Его конвоиры, наконец, перешли на шаг.

– По склону обойдем, – решили они, и четверка двинулась прямо по торчащим камням. Равнодушные воины провожали их ленивыми взглядами и двигались дальше. Среди чер-

ных двадцаток Воронов Волос заметил и своих знакомцев по Ка-Бэ.

– О, глядите! Какалотцонтла! Ты чего, от папки сбежал? – весело кричали те ему вслед, но суровые лучники вели его дальше.

Вскоре лощина кончилась, и они оказались на почти открытом покатом склоне. Здесь войско владыки шло толпой по всей ширине открытого пространства. Каждый спускался, как ему было удобно, обходил кустики или валуны, разбредался. В итоге вся эта толпа стягивалась к лощине, образуя там настоящую людскую запруду. Среди нее-то зоркие белые и заметили владыку.

Поразительно! Никаких паланкинов или тележек с тапирами. Сухая Рука шел пешком среди воинов. Он, конечно, не был загружен тяжеленным щитом и доспехами, но, как и все, нес за спиной заплечную корзину с припасами.

– Владыка! – заголосил медник, забыв обо всем. – Владыка! Прикажи остановиться! Нельзя! Нельзя!

Лучники, наконец, подскочили к своему подопечному и треснули его в три руки. Без злобы. Просто, чтобы не вопил, почем зря. Но владыка всё-таки слышал крики среди всеобщего гвалта. Обернулся на склон, увидел разведчиков с кем-то, которые старательно привлекали его внимание. Хуакумитла что-то сказал окружавшей его страже, те быстро организовали коридор и вывели его к разведчикам.

– Доброго дня, владыка! Мы в Кривых Соснах задержали

этого парня. Говорит, что из Излучного и что у него что-то важное для тебя. Старшой велел привести.

– Правильно велел, – кивнул Хуакумитла. – А парень на самом деле из Излучного, я его знаю. Что у тебя есть важного?

– Владыка, – у медника слегка пересохло горло. – Правду говорят, что ты идешь на Излучное?

– Говорят? – улыбнувшись, хитро сощурился правитель. – Это кто же говорит?

Лучники потупились.

– Это Малой наш, – вздохнул один из белых. – Нечаянно ляпнул. Мы его отучим, владыка, не переживай!

– ОтучИте, – кивнул Хуакумитла; посмотрел на Волоса. – Ну, теперь-то уже чего скрывать: идем на Излучное! Мы получили сообщение от твоего отца, не переживай! И вот уже выступили.

– Какое послание... Какого отца... – растерянно бормотал мастеровой.

– Что значит, какого? – удивился владыка. – Ты ведь сын Широкого Дуба?

– Да...

– Вот! Отец твой уже сообщил нам, что почти все астеки ушли из Излучного. И сейчас идеальное время для нападения.

– Куда все ушли... – Воронов Волос выглядел всё более оглушенным.

– На юг, – машинально пояснил Сухая Рука, но его лицо уже окутала настороженность. – Так, парень, скажи-ка: что тут не так?

– Владыка, – медник глотал слезы ужаса, которые подкапывали к его глазам. – Никто не ушел... Вся тысяча астеков в Излучном. Все отряды, что бродили по Четландии, тоже в Излучном. Они все собрались в Аграбе, укрепляют ее... Я сбежал...

– Из дому? От отца?

– Нет... Не от отца, – слова давались Волосу всё тяжелее. – Всех мастеров, что остались в Излучном, пять дней назад пленили. И многих других, кого сочли верным тебе, владыка. Сказали, что нас поведут в далекий город Теночтитлан. Люди шептались, что нас принесут в жертву их злобным богам. А наша кровь даст им новые силы... Вот... Вот я и сбежал... А отца... отца в плен не брали...

Волос ясно видел, как Хуакумитла всё понял. Как почернели его еще недавно смеющиеся глаза. Но то, что Сухая Рука сделал дальше, никто не ожидал. Он вытянул здоровую руку, притянул парня к себе и крепко обнял.

– Бедняга... – только и прошептал он.

А юноша, который узнал, что его родной отец предал всех, предал собственного сына, предал своего повелителя, предал сотни воинов, собиравшихся умирать за свободу своей родины – юноша в голос разрыдался прямо на груди владыки.

Глава 3. Счет на минуты

Темнело. Незадачливое воинство «освободителей» только что вернулось в лагерь и разбредалось по хижинам и землянкам. Еще утром это были счастливейшие из людей, сейчас же они были подавлены и еле волочили ноги. Словно, мое войско не избежало смертельной ловушки, а потерпело жестокое поражение.

Мораль. Никогда нельзя недооценивать мораль людских масс. Сейчас мои люди неспособны ни на что. Это была бесполезная толпа совершенно деморализованных людей. А ведь большинство из них еще не осознало весь ужас случившегося.

Широкий Дуб предал нас. Вместе с новыми своими хозяевами он организовал ловушку для меня и моих людей. По невероятной воле судьбы, подлость отца, сам того не осознавая, исправил его сын. Но что нас ждет дальше?

А дальше будет следующее: пройдет пять-десять дней, астеки догадаются, что я уже не приду. И тогда – они придут сюда сами. Ведь Широкий Дуб, один из немногих, кто знает местонахождение моего лагеря. Пусть не до конца, но разве трудно найти базу полутысячной толпы в пределах десяти-двенадцати километров?

Получается, уже через неделю, максимум, две – примерно полторы тысячи астеков будут уже в Кривых Соснах. И за

пару дней здесь они нас разыщут.

Это будет конец. И отсчет времени идет не на дни, а на минуты. Даже утра ждать нельзя.

– Командиров ко мне! – крикнул я стражам. – Срочно!

Генералы были хмуры. Генералы угрюмо расселись по кругу. Молчали. Никто от предстоящего разговора не ждал хорошего. Хотя, я и попытался.

– Хорошие новости: мы избежали ловушки. Мы живы, мы по-прежнему боеспособны.

Удивились.

– Но печальный факт: наш план порушен. О возвращении в Излучное можно даже не мечтать. Более того, враг скоро придет сюда. Поэтому мы уходим. Через три дня.

Все охнули.

– Куда? – почему-то шепотом спросил Черный Хвост.

– На восток. Нам нужны союзники, поэтому попробуем договориться с «разрисованными». Аскуатла! – окликнул я командира белых. – Отправь несколько групп на восток, пусть разведают удобные пути. Через три дня к утру они обязаны вернуться. Черный Хвост, твои люди спустятся в ближайшие селения и соберут маис. Нам нужно не меньше трех-четырех лодок (лодка – мера веса, равная примерно ста килограммам).

Кто-то тяжело вздохнул. Понятно. Едва закончился сев, у крестьян началась самая голодная пора. А тут еще «продотряды» мои придут. Но выбора не было.

– Золотым нужно организовать несколько тайников, так как всё мы унести не сможем...

– Нет!

Это Теплый Ветер. Вскочил, смотрит на меня безумными глазами. Утром он был самым радостным человеком в лагере, никто больше него не мечтал о предстоящем походе. Похоже, новый глава золотых не был готов смириться.

– Мы не можем уйти! – выкрикнул Ветер. – Нельзя! Я чувствую: если мы уйдем, то не вернемся. Это навсегда!

На него зашикали, Желтое Лицо даже стал дергать товарища за руку, призывая сесть.

– Если мы останемся – то погибнем, – я говорил спокойно и размеренно, стараясь не показать, как мне больно, как самому хочется присоединиться к словам Теплого Ветра. – Это тоже навсегда. Ты этого хочешь?

– Должен же быть выход! – воина уже несло; трудно поверить, что этот измученный человек когда-то был улыбчивым весельчаком. – Владыка, ты же всегда его находил!

– Я и нашел, – продолжал давить я. – Сейчас единственный наш выход: убежать. Спасти. И найти союзников.

– Не хочу! – Ветер отпихнул чужие руки. – Не может Золотой Змей допустить такого! Мы должны остаться! Сменить место... или выйти уже на бой! Мы сильные воины! Нас здесь ненамного меньше, чем в толимекском походе. Неужели боги нам не помогут?

«Слышишь?! – мысленно заорал я в пустоту космического

пространства, где, видимо, отмалчивался мой персональный шизофренический бог. – Ты нужен! Ты всем нам нужен...»

Вселенная молчала.

– Боги не помогают тем, кто сам не хочет себя беречь... – я хотел наговорить еще нравоучений, да язык стал деревянным. – Хорошо! Теплый Ветер, ты остаешься. С тобой также могут остаться добровольцы. Вы будете скрытно жить в Четландии, выznавать все планы врага, наносить ему всевозможный ущерб. И ждать моего возвращения.

Новоиспеченный командир партизанского движения удивленно смотрел на меня, не понимая, радоваться ли ему или радоваться тут нечему.

– Но мы уходим. С утра всем немедленно начать выполнять те задачи, что я поставил.

...С утра зарядил дождь, усугубляя и без того тоскливое настроение. Только Теплый Ветер развернул бурную деятельность по формированию партизанского отряда. В итоге с ним решили остаться 28 человек. Ровно половина – свои же золотые. От всего воинства Глыбы у меня теперь останется чуть больше трех десятков. Также в Четландии решили остаться пятеро лучников и девять крестьян. Мастерам я права выбора не дал. Сейчас это самые нужные для меня люди – главное семя моей «империи».

Конечно, очень не хотелось дробить силы, но я подумал и решил, что сейчас еще важнее единство. А сомневающиеся всё равно могут принести пользу. Даже большую, чем, если

бы они остались со мной.

– Уходи отсюда сразу же, как уйдем мы, – раздавал я последние советы Теплому Ветру. Уведя его в сторонку. – Лучше идите сразу очень далеко, куда-нибудь на север. Вас теперь немного, вы легко прокормитесь. Найдите скрытное убежище. Не спешите. Заведите проверенных осведомителей в окрестных селах. Собирайте информацию. Бейте врага только в абсолютно надежных ситуациях, когда вас не будут ждать. Не наращивай силы – вас будет легче найти. Лучше действовать малыми группами и тихо. Напоминайте всем, что владыка жив, и он непременно вернется...

Я промолчал, сомневаясь, но жажда мести требовала выхода.

– А, если удастся – прирежьте Широкого Дуба.

Глаза Теплого Ветра вспыхнули с такой яростью, что я тут же добавил:

– Но осторожно! Ваши жизни важнее, чем его смерть.

Мой «Денис Давыдов» кивнул, но я чувствовал, что это кивок вежливости. Кажется, я невольно подsunул партизанам Большую Цель. Ну, что ж... она, по крайней мере, заставит Ветра жить и бороться, а не идти в последнюю атаку.

Три следующих дня прошли в мучительном выборе: что взять с собой. Конечно, нужно забрать все запасы еды. Нужна целая гора важных для выживания вещей. Нужны записи и инструменты, запасное оружие и немногочисленные уже сундучки с «богатствами», которые обязательно понадобятся

ся в чужой земле. Конечно, можно нагрузить все пять сотен (уже чуть меньше) по максимуму – и я забрал бы всё. Но так долго не пройдешь. А уж воины, с корзинами и тюками за спинами будут почти бесполезны в случае чего. По итогу решили: все «штатские» должны нести четыре головы груза (около 20 килограммов) помимо личных вещей; воины – две головы, помимо вооружения и доспехов; воины, несущие боевое охранение – одну голову.

Вышло в итоге более пяти тонн. Звучит внушительно, а как начали раскидывать да прикидывать – ничего толком взять и не получалось. Если бы была гарантия, что впереди нас ждет еда... Но, увы, ожидалось, что ее там как раз не будет.

Узнав о нашем бегстве, пришел Молниехвостый. Попрошиться. Горский вождь делал скорбное лицо, но не мог до конца скрыть радость. И присматривался к базе, которая скоро достанется ему. Меня это так разозлило, что я даже не стал его предупреждать о том, что, возможно, скоро эти горы наводнят астеки.

Неожиданно наша сборная салянка пополнялась доброй дюжиной оцколи. Молодые горцы частенько приходили к нам, влекомые любопытством, кто-то даже зазнакомился. В итоге несколько парнишек захотели идти с нами. Вождь только пожал плечами.

– Пусковой валются, – усмехнулся грустно Молниехвостый. – Всётко туточь опосля вас голодова начнется – нехай

ртов уменьшевет.

«Волонтеры» были откомандированы Муравью: знатоки гор нам пригодятся.

...Выступили с самым рассветом. Я толком не выспался, так как полночи обсуждали маршрут, выслушивая разведчиков. Трудно было выбрать лучший путь на слух. Особенно, когда не знаешь, куда толком идешь.

Прошли мы совсем немного: после обеда зарядил дождь, и все быстро начали прятать запасы зерна под лопухи, чтобы те не промокли. Идти стало невозможно, так до вечера и простояли. Подобными темпами двигались и дальше. Разведка вела нас вперед по вешкам, пять сотен нагруженных людей прыгали с камня на камень, одолевая в день вряд ли больше десяти километров. Иногда удавалось отмахать побольше, но чаще раннелетние дожди обездвиживали нашу почти километровую змею.

Пятый день. Десятый. Двадцатый. Горы всё не кончались. Зато заканчивалась еда. А места были, прямо скажем, малолюдные. Ни поторговать, ни погопстопить. Пайки урезались, лучники, как могли, на ходу обогащали наш рацион дичью.

На двадцатый день пути арьергард колонны догнала пятерка самых быстроногих белых, которых я оставил у старой базы.

– Пришли астеки, – сдержанно отчитался пятерник. – Многие сотни. Всё разнесли по камушку.

Значит, не зря убежали. Ну, хоть, не так обидно.

Повздыхали и пошли дальше.

А на двадцать первый день пути, ко мне подошел сконфуженный разведчик от авангарда.

— Владыка... — не находя слов, начал он. — Мы... Мы в засаду попали.

Глава 4. Лощинка была удобная

– Чего? – изумился я не столько вестью, сколько интонацией. Обычно, о подобных новостях сообщают криком и запыхавшись. Иногда даже из последних сил.

– Лощинка там была очень удобная. И как раз на восток ведет, – не менее смущенно продолжил лучник. – Ну, мы в нее и пошли. И Белое воинство, и часть Черного. А тут со всех сторон как повыскакивали...

– И? – я ни черта не понимал.

– У всех почти атлатли, копья, но атаковать не стали. А со склонов кричат: ведите сюда Хуакумитлу!

Я готов был душу вытрясти из гонца, который непроизвольно оказался мастером интриги.

– Прямо по имени меня называли?

Белый, краснея, как вареный рак, кивнул.

– И по-нашему кричали... По-четлански, – из последних сил выдавил он. – Только говорят криво-косо.

И я пошел. Вапачиро попытался придержать меня за руку... но это всё было так странно, что у Серого ничего не вышло. Кто? Кто мог поймать нас здесь, в почти безлюдных горах? Кто знает меня по имени?

Первый же взгляд на ущелье показал: лезть сюда без разведки, нашим воинам, конечно, было нельзя. Место просто напрашивалось стать ловушкой. Ребята Муравья расслаби-

лись... либо тоже ушли в депрессию, как и я. Все склоны (с площадками в несколько уровней) были усеяны воинами. Яркими, в перьях и красках. Они молча и свысока (во всех смыслах) смотрели на мой ошестинившийся копьями авангард. Сейчас мои воины смогли бы выбраться из западни, даже с терпимыми потерями (хотя, в моей ситуации, каждая подвернутая нога – это уже заметная потеря). А вот, если бы неизвестные воины внезапно ударили...

– Я Хуакумитла! Кто звал меня? – интонацию я подбирал тщательно, еще по дороге: сильно, уверенно и с легкой ноткой недовольства. Мол, кто это отвлекает дядю от серьезных дел?

– Это я. Извини, владыка, трудно было удержаться от желания повторить нашу встречу. Чтобы, как в прошлый раз.

Голос был женский. И я узнал его моментально.

– Цитлалли?!

– Приятно знать, что ты меня помнишь, – куитлатекская купчиха, наконец, обнаружила себя: она стояла на высокой площадке, в окружении десятка самых пышных воинов. – А помнишь, как ты попался в мою западню в Уэтамо?

Боги правые, как же это всё было давно... Но я помнил. И смог оценить шутку Звезды. Но откуда она здесь?

– Как эти люди узнали про нас? Как узнали про меня?

– Ну, здравствуйте... Вы уже третий день идете по куитлатекским землям. Селяне присылают испуганных гонцов, одного за другим, просят защиты. А ночью, возле стоянки, воины

подслушали и опознали вашу речь. Догадаться, что четланское войско ведет их великий правитель, – девушка хихикнула. – Было уже нетрудно... Послушай, не хочется мне вот так горло драть со скалы. Я хочу спуститься. Мои люди ведь могут быть уверены, что ты не причинишь мне вреда?

– Конечно! Клянусь Золотым Змеем!.. Твои люди?

– Мои! Хотя, тебе-то откуда знать... Погоди-ка! – и, опираясь на руки могучих расписных воинов, Цитлалли начала ловко спускаться со скалы.

– Ну, привет, – тихо сказала она, оказавшись рядом.

Племянница торговца Накацтли радикально изменилась. Вроде бы, всё то же: круглые щеки, ножевой разрез монгольских хитрых глаз, густые тяжелые пряди волос. Но она вся как-то неуловимо изменилась. Была шумная легкая девушка, стала статная женщина. Яркие одежды, богатые украшения, словно, загнали ее в новую форму.

– Отвечаю на вопрос: эти люди мои, потому что, кроме дяди, которого ты хорошо знал, у меня есть еще и отец. А он у меня князь. И княжество его одно из самых крупных в наших горах.

– Значит, это воины твоего отца? – я потихоньку начал воодушевляться. Неужели, полоса невезения закончилась, и в моей жизни начались приятные сюрпризы.

– Я же сразу сказала тебе: это мои воины. Потому что после моей женитьбы нашей семье покорились почти все куитлатеки.

Знаете... В последние месяцы в моей жизни случилось немало неприятностей. Я бы даже сказал, что слишком мягкое это слово – «неприятности»... Но, клянусь, ничто меня так сильно не расстроило, как новость о замужестве Цитлалли. Почему, не знаю. Я ведь даже не уверен, что тогда между нами промелькнуло что-то... Химия эта пресловутая, о которой все говорят.

– Крутой муж... – не удержался я. – А кто он такой?

– Теучильмацин, – произнесла девушка чужезычное слово. – Да ты ведь его знаешь!

– Откуда бы? – искренне удивился я.

– Так ведь ты его убил. И сделал меня безутешной вдовой, – Звезда скорчила плаксивую гримасу, только хитрые глаза ее искрились весельем.

– Что?! Я убил?

– Ну, может быть, не ты лично, а твои воины. Забыл уже? Земли чумбиа. Войско аколоуа.

У меня глаза на лоб полезли.

– Да, Хуакумитла. Великий предводитель войска из Тескоко, родич Усмиряющего Плоть Принца – был моим мужем. Но из того похода он не вернулся.

Я покраснел.

– Мне очень жаль, – выдавил я из себя, ощущая, что выгляжу полным идиотом.

– Не стоит меня жалеть, владыка. Меня замуж выдали, не спросив. И радости особой женитьба не принесла. Я спасибо

тебе сказать должна. Теперь власть моего мужа – у меня.

Это что еще за торжество феминизма в отдельно взятом племени? Вероятно, мое удивление слишком сильно проявилось на лице, так что Цитлалли пояснила.

– Сын. У меня от Теучильмадина есть сын. Наследник всей отцовской власти в этих землях. Все люди, служившие покойнику, теперь служат мальчишке. Конечно, с оглядкой на правителя Тескоко... Но Усмиряющий Плоть Принц далеко, а я близко...

Восхитительная женщина! Я и не сомневался, что жизненный путь выведет Звезду на какие-то похожие рельсы. Уж больно яркая личность, сильный характер.

– А ты, я слышала, тоже женился.

Черт! Я же женат...

– Да. Когда покоряли Толимеку, я... мне нужно было укрепить власть браком.

– А где она? – правительница куитлатеков по-девичьи вытянула шею, оглядывая мою свиту.

– Её здесь нет. Она осталась во владениях своего деда, когда пришли астеки.

– Теночки? Да, их войска прошли через наши земли зимой. Уэйтлатоани Ауисотль решил сам сделать то, что не удалось воинам Усмиряющего Плоть. Теночтитлан любит показать жителям Тескоко, кто самый главный в их союзе... Я слышала, войско дошло до Закатулы?

– Дошло... И дальше дошло.

Я начал рассказывать Цитлалли о том, что творилось в Четландии последние полгода, о своих мытарствах... И говорить об этом оказалось проще, чем о жене. И о том, что она у меня есть, и о том, почему она не со мной.

– Значит, ты беглец, – вздохнула Звезда.

– Я не беглец! – вспыхнул я. – Четландия верна своему владыке и поднимется по первому зову. Там всё подготовлено. Мне лишь надо найти союзников.

Я выразительно посмотрел на правительницу.

– Циталли, присоединяйся ко мне! У тебя уже есть войско. Ваш народ многочисленный. Вместе мы выбьем астеков из моих земель. И тогда уже я соберу сильное войско. Власть теночков уже вкусили все племена на побережье. Мы легко поднимем их на восстание! И толимеков, и чумбиа, и другие народы! Это ведь уже огромная сила! Пройти на юг враги смогут либо через ваши горы, либо по Мезкале – через мои владения. Перекроем эти пути – и весь юг освободится! У меня есть немало секретов, мы умеем делать лучшее оружие, умеем готовить воинов. В короткий срок из всех племен мы соберем самую сильную армию в этом мире! Опрокинем астеков! Станем хозяевами этого края!

Княгиня (или как ее титул звучит?) смотрела на меня с улыбкой. Девушку забавляло, как я весь раздухарился, распалился. А меня и впрямь несло! План оформлялся на ходу, и, хотя, он сильно отдавал историей про «Нью-Васюки», я искренне верил, что это может получиться! Четлане с ку-

итлатеками – это уже сила. А если подчинить приморские племена... А, если, увидев нашу силу, к нам пурепеча присоединятся!...

– Нет, Сухая Рука, – покачала головой девушка. – Не выйдет это. Я бы многое могла сказать. Вряд ли наши князья захотят воевать против астеков и аколуга. Кому-то уже понравилось подчиняться. Восстание на юге поднять легко. Но ты правильно сказал: пройти к морю можно либо через тебя, либо через меня. И астеки придут. Сюда или на Мезкалу. И ты думаешь, приморские племена придут тебя защитить? О нет! Им дорого только свое, а до дальних краев этим дикарям дела нет. Надежный союз с ними не создать...

Звезда помолчала.

– Но главное не в этом. Астеки и их союзники очень сильны, Хаукумитла. Просто невероятно! Поверь мне, я видела эту силу. Их, наверное, можно разбить в бою. Я слышала, в твою голову боги поместили изрядно хитрости. Но ты можешь разбить даже две, три их армии – а они придут снова. Если теночкам будет нужно – они найдут бесконечное число воинов. И, чем сильнее враг сопротивляется, тем более жестоко с ним расправятся. Они очень верят в свою силу. В свою судьбу. Астеки убеждены, что боги избрали их для спасения мира. И управления им.

Что тут скажешь? Я лишь молча вздохнул, расставаясь с иллюзиями.

– А та девушка, – вдруг резко переменила Цитлалли те-

му. – Помнишь? Которая тогда была с тобой в Излучном. Что с ней стало?

Я, конечно, понял, о ком она. О Ночке, принцессе, дочери Носача. Забыть тот ужасный момент, когда я размечтался об обеих этих девушках, а в итоге ни одной не получил... Блин, и ведь Ночка-то как раз здесь, со мной! Всё опять повторяется... ох, не случайно Звезда задала этот вопрос.

– Она здесь, вместе с моими людьми, – выдавил я из себя, краснея.

– А... Понятно.

Да что тебе понятно! Блин, ну, почему каждый раз так глупо получается?!

– Ты не понимаешь. У меня с Ийохали ничего нет. Она просто один из беглецов, что ушли из Излучного...

– Ну да, – грустно улыбнулась куитлатекская княжна. – Твоя собственная жена перед богами оставила тебя, а эта женщина просто так пошла за тобой в неизвестность, полную лишений. Какой же ты глупый, Хуакумитла. И всегда таким был.

Я невольно улыбнулся. Конечно, в чем-то она права... Но как же забавны женщины в своей безапелляционности. В любых мирах. «Всегда таким был». Виделись-то всего несколько раз за пять лет – а уже всё про меня поняла.

– Прости, владыка, но я останусь верной своим новым родичам из Тескоко, – сменив тон, торжественно ответила Цитлалли. – Их поддержка гарантирует мне уважение и власть.

Давно уже у куитлатеков не было таких шансов добиться единства и вернуть себе положение, которого мой народ достоин.

– Но под властью астеков? – добавил я.

– Но под властью астеков, – не стала спорить Звезда.

Мы помолчали. Меня просто раздирал на части вопрос: а чтобы она ответила, если бы Ночки не было в моем отряде? Вдруг... вдруг это решающий фактор? Но я не решился заговорить об этом.

– И что же мы будем делать... теперь? – подвел я наш разговор к сложившейся щекотливой ситуации. Мы ведь, получается, враги.

– Ничего, – улыбнулась княжна. – Я ведь ничего про ваши четланские дела не знаю. Сообщили о неизвестных людях, я проверила. Ты мне рассказал... Ну, что ваше племя пострадало от засухи, и теперь странствует в поисках хорошего места для жизни. А я поверила!

Цитлалли хихикнула. Правда, теперь смех выглядел немного искусственным, натужным.

– Поверили и пропустила. Вы куда, кстати, идете?

Я открыл было рот, но в последний момент захлопнул. Нет, рассказывать про «разрисованных» не стоит даже ей.

– Пока подальше от армии, что меня ищет. Нужно найти тихое место, где можно пересидеть, собраться с силами и мыслями.

– Ты можешь пройти, Хуакумитла. Мы не будем мешать

тебе.

Так и разошлись. Толпа куитлатеков, картинно украсившая собой склоны ущелья, получила приказ и покорно растворилась в летней листве. А мы пошли дальше. Неосторожные лентяи были серьезно наказаны, мое войско удвоило... утроило осторожность. Но нам, действительно, никто не мешал. Лишь наутро к просыпающемуся лагерю вышли три десятка куитлатеков. Их старший – зрелый воин Вочтуиката – попросил о встрече со мной.

– Мы изгой, – без обиняков признался он. – В прошлом году наш князь не признал верховенство аколуга. Княжество было разорено, захватчики сожгли всё, что горело. А мы ютились в пещерах, пока нас ловили кровники, чтобы выслужиться перед пришлыми. Эти полторы двадцатки – всё, что осталось. Вчера от госпожи Звезды пришел гонец, который передал нам, что есть человек, который сможет принять изгоев. И мы пришли сюда. К тебе.

Так моя армия разжилась проводниками. Куитлатеки отлично знали горы и готовы были провести нас куда угодно. Я пояснил им цель нашего похода и поинтересовался: далеко ли еще идти?

– Йопи? Разрисованные? – удивленно уточнил Вотчуиката, а, когда я подтвердил, ответил. – Далековато. Но мы знаем дорогу.

Я подозревал, что среди изгоев были и люди Цитлалли. Потому что повели нас куитлатеки куда-то совершенно не

туда. Я было забеспокоился, но уже через два дня разведка вышла к уютным пещерам, в которых оказался склад тыкв и не меньше трех десятков корзин фасоли, маиса, перца. Даже вяленого мяса немного.

Прощальный подарок от княгини.

Возле пещер мы разбили лагерь на сутки. Отдохнули, починили износившееся снаряжение, просушились, дали восстановиться больным. А после двинулись в далекий рейд к неизвестным «разрисованным» йопи. Теперь проводники перестали петлять и вывели нас на магистральную дорогу вдоль заросших хребтов. Дороги, конечно, не было, мы только время от времени попадали на натоптанные тропы. Но зато почти прекратились невыносимые подъемы и не менее ужасные спуски (сползать с горы с 15-килограммовой корзиной за спиной – весьма неприятное занятие). Мы шли достаточно ровно, лишь изредка обходя стороной небольшие поселения. Это было мое пожелание, хотя, Вочтуиката уверял, что скрываться необязательно.

Где-то через неделю горные владения куитлатеков закончились. Мы брели по нейтральным горам – следы присутствия людей вообще исчезли. Но исчезли и удобные тропы, снова пришлось карабкаться по скалам вверх-вниз. Темп резко замедлился.

– Зато идем безопасно, – улыбнулся предводитель куитлатеков. – К северу начинаются земли итцуко. Племя маленькое, но злобное. А южнее и почти до самого моря живут те-

пучтеки. С этим народом у куитлатеков давняя вражда. При деде моего отца, тепучтеки платили нам дань... Как и многие другие. Так что там не будут рады любому войску, идущему со стороны куитлатекских княжеств. Разбираться не станут. А здесь – нейтральная территория. Люди тут почти не живут, ибо жить неудобно.

Это верно. Скалы были малолесные, лишь немногие сосны ютились в кармашках гор, да сухой кустарник покрывал отдельные плечи. Охота, правда, здесь была обильная, только добыча мелкая: птица, ящерки да крупные грызуны. Таким полтысячи людей не прокормишь. По счастью, еще не израсходовался до конца подарок Цитлалли. Да и лето уже в самом разгаре – моя крохотная кочевая «империя» находилась в пути второй месяц. В лесах всё расцветало, наполнялось влагой и одаривало мир плодами. Поэтому, когда мы изредка спускались в настоящие леса, на несколько часов четлане превращались в стаю саранчи и выметали в округе всё съедобное. Жаль, таких лесов на нашем пути было совсем мало. Но я согласен, что безопасность пути важнее.

...Был отличный погожий денек. Да, зачин клишированный, но после двух дней сплошного тропического ливня, пробившееся солнышко всех нас сделало счастливыми. Аскуатла почти всех своих разослал по окрестностям и велел без добычи не возвращаться. Мы уже несколько дней, как повернули на юг, спускаясь всё ниже и ниже, оказываясь среди почти настоящих лесов. Опытные охотники видели при-

личные кучки кала, так что мы рассчитывали сегодня если не на оленя, то, хотя бы, на парчу. А может и тапира.

Лагерь разбили в уютном месте. За сегодня мы прошли немного, но я решил, что народу важнее отдохнуть. Возвращающийся охотничий отряд заметили издалека. Белые попережку с куитлатеками шли открыто, шумно – и явно не с пустыми руками. Правда, ни оленя, ни тапира у них точно не было – такую тушу трудно не заметить.

Я с Серым и стражами выступил вперед – больно свежего мяса хотелось. Охотники тоже заспешили навстречу. Аскуатла радостно махнул рукой, воины расступились – я моему взору предстали чужаки. Сначала я подумал, что это подростки. Только с копьями. А что, в этом мире рано взрослеют и начинают заниматься делом.

Четверо незнакомцев были почти полностью голыми, грубые плетенки прикрывали их срамное место. Небольшие лоскуты, никак не украшенные. Нехватку одежды и украшений (так, немного перьев торчало то тут, то там) компенсировали узоры, которыми незнакомцы покрывали себя в изобилии. Конечно, где-то потекло, где-то размазалось, но выглядели чужаки... празднично. И, кстати, оказались они совсем не подростками, а вполне себе взрослыми мужчинами. Только щупленькими. Даже для моих четлан. А у половины копий не было даже каменных наконечников.

– Вот! – радостно сообщил мне Вочтуиката. – Это и есть «разрисованные».

Глава 5. Заигрался

– Большая вождя! Большая вождя! – радостно вопил Птица-Говорун, завидев меня на тропе.

Я невольно скривился. Староста южной общины практически прописался на нашей базе, хотя, его родная деревня находилась в нескольких часах ходьбы отсюда. Но, что поделать, его приводило в восторг всё, что умеют делать четлане – и этим грех было пренебрегать. Я натянул улыбку на лицо и поспешил навстречу.

– Большая вождя, набека завершили! Воины вернуться из набека! – гордо выговаривая четланские слова, Птица-Говорун мчался мне навстречу на всех парусах.

Вообще-то его звали иначе. Что-то типа Птица, Умеющая Говорить Двадцать Слов. Но я, уж простите, напарился учить все эти десятки новых имен. Как запомнил, так и запомнил. Я и язык «разрисованных» учить бросил. Два десятка фраз выучил – и охладел. Пусть они наш язык изучают.

– Много добычи принесли воины? – спросил я у шустрого старикашки.

– Ой-така многа! Божественна многа! – растянул лыбу на половину своего сморщенного лица староста.

Он крайне любил это слово. Всё хорошее, превосходное, удачное и так далее – у Говоруна было «божественным». Учитывая пришепетывание, которым старик густо поливал

свою речь, каждый раз получалось уморительно. Божественна уморительна!

Мы жили среди йопи уже несколько недель. Жили, толком не понимая, что же нам с этим делать. Ибо вся наша ситуация идеально вписывалась в мем «ожидания – реальность». Йопи действительно оказались чуть ли не единственным народом в округе, который не был покорен астеками. И мы ясно поняли почему, едва их увидели. Да потому что эти бедные неразвитые дикари никому не были нужны! Бедное племя, едва-едва занимающееся земледелием, но живущее за счет охоты и собирательства, ничего не могло дать завоевателям. Выращиваемых культур им самим на еду не хватало. Разве общины, обитающие близ моря, жили чуть сытнее. Хлопка у них не было, какао тоже. О каких-либо значимых полезных ископаемых я тоже ничего не слышал. Даже у их северных родичей с гор – мефаа – и то имелись залежи поделочного камня. И рачительные астеки этих «разрисованных» быстро взяли в оборот. Их крохотные княжества захватили лет двадцать назад.

А вот йопи оказались никому нужны. Даже мне... Но куда податься? Это был мой единственный план, хотя, я уже в первый день встречи с местными охотниками крепко заподозрил, что йопи мне не дадут армию для борьбы с завоевателями. Тем более, что и сами горцы мне особо не обрадовались. И я их понимаю! Из ниоткуда взялась целая орда, в которой мужиков вдвое больше, чем всех людей в любом их

селении. А то и второе. «Разрисованные» жили маленькими общинами от сотни до двухсот с хвостиком человек. Каждая обжила небольшую территорию и сосала с нее скудные соки. Разумеется, пятьсот с лишним дополнительных ртов никто не мог прокормить. Но у этих ртов были еще и руки, а в руках – дивное оружие. Так что старостам пришлось заткнуться. Я поначалу задабривал их подарками, но мало кого это трогало. Разве что Птица-Говорун, хватал всё, раскрыв рот от восторга.

Беда в том, что ни подарки, ни угрозы не сделают еду из воздуха. Мы решили, что начнем меновую торговлю с местными и с соседями. Побродили по окрестностям, выбрали самую просторную долину в предгорьях, поставили местных перед фактом, что теперь мы соседи – и начали мутить производство.

Это тоже было фиаско. Во-первых, в этих горах практически не было песка, пригодного для производства стекла. Самый ходовой наш товар делать оказалось почти не из чего. Сырье пытались привозить с побережья, но работа шла медленно, а себестоимость стекла рещко вырастала. Здесь также не нашлось медной руды, почти не было золота, так что тумбагу делать не из чего. Более-менее заработало только керамическое производство, но основная масса глины пока шла на кирпичи. Небольшое количество сделанной на кругах посуды разлеталось вмиг и не давало нужных прибылей.

А моим людям еда нужна была. Ежедневно. Думали долго,

надумали мало. По счастью, единственное решение, которое мои советники смогли предложить, одновременно пришлось по вкусу и местным. Мы принялись устраивать набеги.

Первым делом, по ушам получили самые строптивые из «разрисованных» – те, что с побережья. Правда, с них брать почти нечего. А вот уже горные родичи наших «гостеприимных» хозяев жили побогаче. Только не хватало у йопи сил для грабежа мефаа. Но мы помогли. В короткий срок мои командиры собрали несколько ватаг смешанного состава, вооружили местных получше, провели экспресс-тренинги по боевой и разведывательной подготовке. И уже через неделю вернулись на базу, нагруженные добычей по самый козырек! Проблема голода на время была решена, а к нам потянулись люди. Не все, конечно.

...Отряд, вернувшийся из набега, уже расположился на плоской каменной площадке подле нашей базы. Корзины, мешки и прочую тару уже поскидывали и блаженно развалились прямо на камнях, давая отдых спинам. Командир, завидев владыку со свитой, бодро вскочил и кинулся докладывать. Им, кстати, оказался куитлатек Вочтуиката, который очень активно влился в жизнь моей маленькой империи.

– Владыка Хуакумитла! – вытянулся он передо мной, как это было принято у золотых. – Набег прошел удачно. Ограбили село мефаа за Синими скалами, в княжестве Шкутии. Нас не ждали. Еды принесли не меньше трех лодок. Есть нефрит, селяне его добывают в горах. И вот! – он доволь-

но встряхнул мешочком, который держал в руке. Мешочек звякнул. – Мне сказали, что тебе это нужно, владыка.

В кисете оказались медные побрякушки. Общим весом от силы на килограмм. Как украшение – немало. Но для моих мастеров это были крохи.

– Потери есть? – спросил я, передавая мешочек Серому.

Индейцы почему-то категорически отвергают значимость этого вопроса. В войне им важна добыча, убитые и плененные враги, совершенные подвиги. А вот на собственных убитых и раненых плевать – судьба, что поделать. Четлан я за годы смог приучить к ценности жизни, но куитлатек еще не привык.

– У наших ранено двое... может, больше, – неуверенно начал Вочтуиката (нашими он называл всех, кроме местных). – А у Отмеченной Спины троих убили, раненых... несколько.

Отмеченная Спина – это вождь наших ближайших соседей-йопи, рядом с которыми мы невежливо осели. Имя простое и понятное – на спине у вождя было большое родимое пятно. Он, кстати, тоже встал и торчал позади недвижимым изваянием, скрестив руки на груди. Гойко Митич, блин! Спина был просто красавцем. Ростом почти с меня, широкие плечи, точеное лицо, которая не портила даже дикая яркая раскраска. Отмеченная Спина первый вызвался ходить с нами в набеги за долю в добыче. Хотя, поначалу он был и единственным.

Потому что, оказалось, что вождь у йопи – это почти ни-

кто. Это у четлан вождь-имачата был практически царьком в своем селении. Даже у горцев-оцколи, которые не сильно отличались от «разрисованных», вожди имели власть и нередко передавали ее по наследству. А у йопи всем рулили главы семей-кланов. Деды-патриархи. Из своей среды они избирали старосту, который был «первым среди равных». Творил обряды и прочая. А вождь был, скорее, старшим охотником в деревне. Его избирали взрослые семейные мужики. И полномочий у того практически не было.

Я видел, как красавец Спина этим тяготился. Невооруженным взглядом заметно, что такой образцовый воин рожден для больших дел. Но не в этих унылых горах. Так что наш приход для него был счастливым билетом. Только сдержанный охотник из всех сил это не показывал. Но в набегах участвовал регулярно, захватывал добычу – и приводил за собой всё больше и больше людей. Уже из разных общин.

– Моя староста идти, – буркнул вождь.

И впрямь, от деревни уже неслась жидкой струйкой процессия. Жирный староста Забытый Череп со своими родичами уже прознал о возвращении отряда и на всех парах мчался за своей долей. Вот уж кто-кто не любил четлан, так это Череп. И не только потому, что мы тут заняли земли, но и из-за Отмеченной Спины. Глава деревни звериным чутьем видел в нем конкурента и не мог не понимать, что мы даем вождю силу. А тот еще и из другой семьи был, как назло.

Открыто выступить против нас у Забытого Черепа была кишка тонка, но уж поймать с нас да побольше, он был горазд. Вытребовал, чтобы часть добычи от всех набегов шла к нему. Типа арендной платы...

– Шта? Шта? – ворвался на временный бивак староста, сопя и обильно потея, засунул нос в первый же мешок. – Скока? Скока? Моя!

Череп стал местной Элочкой Людоедкой, который выучил не более тридцати четланских слов. Кроме пяти-шести ругательств все остальные слова ему были нужны только для того, чтобы что-то с нас поймать. По счастью, со мной был Добчинский с его идеальной памятью, которого не объеоришь. Я махнул ему.

– Иди, сосчитай добычу. И отсыпь этой жирной морде, сколько оговорено. Но едой не давай, Вочтуиката сказал, что взяли много нефрита. Он нам без надобности.

Долговязый Добчинский вынул из сумки восковую табличку и кинулся наперехват Забытому Черепу, который уже принялся раздавать своей родне указания, какие мешки забирать.

– Вочтуиката, – повернулся я к старшему налетчику. – Вечером в моей хижине будет большой совет. Приходи тоже.

Киутлатек просиял, все-таки из воинов на совете участвовало не более десятка человек. Он не понимал, что в сложившейся ситуации этот находчивый воин был мне нужнее, чем я ему. Инициативных командиров всегда в дефиците,

я же стал терять слишком многих. Даже на высшем уровне: Глыба погиб (и не только он), Теплый Ветер остался в Четландии... Мне снова не хватало кадров.

Остаток дня я посвятил инспекции мастерских, часть которых еще только обустраивались. Луч Света ходил еще более хмурый, чем обычно. И я его понимал. Мастеров имелось в разы больше, чем работы для них. Печи, плавильни, рабочие столы и прочее постепенно появится. Но вот с сырьем полный швах. В изобилии только дерево и камень, глины хватает более-менее. Но это, скажем прямо, не стратегические ресурсы. Я понимал, что практически всё производство будет нерентабельным, доходы не окупят трудозатрат. Луч Света не понимал (ибо не был знаком с законами рыночной экономики) но чувствовал это нутром. Или задницей. Однако нужно хоть какой-то работой загрузить людей. Тем более, пока есть еда, за которую можно не платить.

Я напомнил Циль Наукалю про вечерний совет и в легкой грусти двинулся домой. Конечно, эту времянку домом назвать было трудно. Я вспоминал свой маленький, но полный удобств дворец в Аграбе – и хотелось то ли плакать, то ли утопить всех астеков в Мезкале...

Поплакать – более достижимое желание.

На совете яблоку упасть было негде, настолько крохотный у меня ныне «рабочий кабинет». Учитывая, что в нем еще и двух стен не хватало – то лучше было назвать это рабочей верандой. Правда, у меня появился стул – первый и пока

единственный, так как у мастеров имелись более актуальные задачи, да никто особо их и не просил сделать.

Начали с текучки, и совещание сразу как-то не задалось. Колченогий Яумоцтла традиционно отчитался о запасах еды, с учетом свежей добычи и прикинул, насколько ее хватит. Выходило неплохо, но у Приходящего Завтра имелось предложение.

– Я прошу, дайте мне часть маиса под посев. Здесь есть участки, которые быстро можно обработать и превратить в поля.

– Так ведь лето уже заканчивается!

– Ну и что, – вскинулся мой главный «агроном». – Зерно успеет вызреть и осенью. Дождей, конечно, уже меньше, но всё равно соберем какой-никакой урожай.

– Я против! – поднял руку Луч Света. – На прошлой базе мы тоже поля засеяли, а потом сразу ушли. Как бы и тут также не вышло. Лучше уж съесть, тем более, запасы совсем невелики.

– А с чего нам отсюда уходить? – хмуро спросил я.

– А что тут делать... – пробубнил Циль Наукаль то ли мне, то ли себе под нос.

– Я согласен с Цилем, – поднял руку Аскуатла. – Еда нужна вся. Потому что скоро ее у нас будет меньше...

– Почему?

– Владыка, набегии не будут всегда такими легкими. Они уже вызывают затруднения. Ближние селения мефаа мы ра-

зорили. Более дальние поняли, что нападения с гор становятся регулярными, и начинают предпринимать меры. Потери уже растут, уверен, что вскоре за каждый мешок маиса нам придется платить кровью. Нужно что-то менять. Делать рейды на много дней – в дальние края. Можно двинуть на запад, к тепучтекам. Или наоборот на восток: к амусго или нюсави. Тем более, последние побогаче живут.

– Размахнулся, – влез в беседу Вочтуиката. – Нюсави сильны! Из такого набега можно и не вернуться.

– На восток мы ходить не будем, – отрезал я. – Тому есть причины. Над остальным подумаем.

– Давайте подумаем над полями! – не унимался Приходящий Завтра. – Сами же говорите, в будущем ожидаются перебои с едой.

– Нас эти жалкие кусочки земли не спасут! – молчавший до этих пор Черный Хвост встал и прямо посмотрел на меня. – Владыка, позволь спросить тебя: зачем мы тут вообще остаемся?

На «веранде» повисла неловкая тишина. Я понимал, что этот вопрос вертелся на языке многих. И не хотел, чтобы его озвучивали, как можно дольше. Потому что не знал, что ответить. Ситуация была, как гнилой дырявый зуб. Надо идти и рвать. Но не хочется. К тому же, зуб же типа есть. Им можно жевать. Только больно иногда... Правда, рано или поздно он развалится полностью. Но ты стараешься об этом не думать и успокаиваешь себя тем, что зуб же еще есть...

– Что ты хочешь сказать, Хвост? – пусть уже выскажется до конца.

– Мне кажется, здесь мы в ловушке, владыка, – командир черных, опустил голову, но продолжал смотреть на меня исподлобья. – Мы не станем тут сильнее. Брат Гнева, расскажи, как у тебя дела?

– Отряды черных стоят в шести ближайших долинах, – Брат Гнева, как будто, ждал вопроса. – Пытаемся наберечь новичков из местных. Они, конечно, охотно идут в набег... но в Черное воинство вступать не хотят. Даже с давлением, с уговорами мы сможем тут собрать... – командир задумался. – Ну, самое большее – сотню воинов. А скорее, меньше десяти человек с деревни. И большинство из них – совсем мальчишки.

– Мы не соберем здесь войско, владыка, – снова забрал себе слово Черный Хвост. – Мы не сможем его хорошо вооружить. Циль Наукаль не скрывает, что здесь не из чего делать тумбагу, стек-тлу. Нет воска, нет хлопка, почти нет кожи. И еду мы добываем набегам, как разбойники. А Муравей вот говорит, что скоро это будет трудно делать.

Хвост несколько раз сжал и разжал кулаки.

– Я уже несколько дней думаю о том, что мы тут делаем. Ну, наверное, мы можем полностью подчинить этих дикарей. Ты, владыка, станешь их правителем. В принципе, племя сможет нас содержать... Но это не приблизит нас к возвращению домой! А здесь... Рано или поздно окрестные пле-

мена, измученные нашими набегами, позовут астеков. Либо астеки сами прознают, что их враг Хуакумитла скрылся среди «разрисованных». И тогда понятно, что случится... Вот.

Я встал со своего стула. Хвост, наконец, слегка виновато опустил взгляд.

– Ты прав, мой друг. Всё, что ты сказал – истинная правда. Ты даже слегка смягчил ее. И я понимаю это.

Я оглянул всех своих советников.

– Проблема в том, что я не вижу другого решения. Я не знаю, что сделать, как сделать так, чтобы мы смогли вернуть себе нашу родину. Здесь мы можем, хотя бы, жить...

Наверное, это было неправильно. Нельзя, находясь наверху, держа в руках все рули власти, вот так прямо и в лоб расписываться в своем бессилии. Но у меня и в самом деле уже не было сил. Я выел собственный мозг в мучительных поисках решений, но ничего не мог найти. И всё, на что меня хватило – сказать об этом прямо. Тем более, когда вопрос задал Черный Хвост.

Еще и треклятый божок из всех сил молчит!

Я слишком привык. С тех самых пор, когда меня в этом мире начали слушаться, я слишком привык манипулировать людьми. Одних – обманывать, другим – раскрывать только ту часть правды, что им будет полезна. Привык решать всё за них, привык подсовывать мои решения, стараясь, чтобы они приняли их за свои собственные.

Заигрался я.

И совсем забыл, что меня окружают тоже люди. Пусть ди-
кари, пусть варвары, но это взрослые люди, которые могут
брать ответственность на себя.

Удивительно, что напомнил мне об этом самый неожидан-
ный персонаж – Облачный Дед.

– Благоднейший владыка! – правильно, но с мягким,
шелестящим выговором заговорил мой главный металлург. –
Кажется, у меня имеется решение для всех нас.

Глава 6. Путиами торговыми

Старичок встал поторжественнее и начал вещать.

– Как безусловно тебе известно, мудрый владыка, я позавчера вернулся из Миштлана, куда мы ходили с караваном.

Я кивнул. Миштлан – это большая горная страна на востоке, где живут те самые нюсави. Миштлан, миштеки – так этот народ и их землю называют астеки. Да, те самые астеки, которые, кажется, есть уже везде. Одни города нюсави они покорили давным-давно, другие – уже при нынешнем уэйтлатоани. Говорят, где-то далеко на юге еще есть свободные миштецкие земли. Но, возможно, это просто байки. Всем же хочется мечтать.

Так вот, Миштлан мы решили закрыть для набегов. Отчасти потому, что миштеки-нюсави весьма сильны, и там легко можно получить по морде. Но главное – другое. Через города этого народа проходит несколько больших торговых троп. Здесь, в отличие от наших родных мест, больших рек нет. Я вообще, понял, что Мезкала – уникальное явление для региона. Потому-то у нас, в Жарких Землях, в Толимеке все привыкли торговать по рекам или по берегу моря: так и быстрее, и удобнее. Здесь, на востоке такой возможности не было. Поэтому торговцы собирали огромные пешие караваны носильщиков и шли пешком, порою, на сотни километров. Находили удобные долины, выбирали удобные города – и так

складывались караванные тропы. Дорогами, как я понял, называть это всё еще нельзя. Хотя, местами тропы были вытоптаны капитально. Но горы берут свое: и где-то купцам приходилось брести по узким каменистым козьим тропкам. Где-то не было и этого. Что поделать: ни колес, ни тяглового скота.

Разумеется, миштекские города для нас были выгоднее в плане торговли, нежели объектов грабежа. Особенно, учитывая, что своих ресурсов в землях йопи кот наплакал. Недавно мы направили к миштекам уже второй пеший караван, и Облачный Дед упросил пустить его с торговцами: очень уж многого не хватало ему для запуска литейного производства.

И вот...

– На рынке мы встретили моих земляков, безнасса. Я заговорил с ними и узнал, что они из моего родного города, Йоопаа... – здесь старик на миг замялся. – Сначала я узнал грустные новости: мой некогда великий город поднял восстание против астеков. Удалось выбить кровавых теночков из северных долин, перебили их торговцев, гарнизоны... Но два года назад войско астеков вернулось и дотла разорило Йоопаа... Там сейчас не живет и десятой части людей, что было во времена моей молодости...

– Не очень-то веселая история, старик, – вздохнул Черный Хвост.

– Это только ее начало, юноша! – энергично воздел руки мой литейщик. – Огромное войско Ауисотля прошло через Этлу и Тлаколулу, вошло в восточные горы, перебралось на

равнины Теуантепека и двинулось дальше навстречу солнцу – к Шоконочко.

У меня аж сердце зашло: во дают астеки! В то время, как большая их армия захватывала наше тихоокеанское побережье на западе, еще одно огромное войско ушло далеко на восток. Даже для местных полулегендарный город Шоконочко находится за тридевять земель, черт-те знает где! А астеки туда идут. И покоряют. Даже страшно... Везде. Везде протянуты загребушие атекские руки.

– А теперь самое главное, – старик снова принял величественную позу. – В великой долине моего народа есть богатый город Саачила-Йоо. Так вот, юный правитель этого города Косийоэса, не выдержал оскорблений астеков. Поднял он своё бесчисленное войско, призвал союзников – и двинулся следом за захватчиками. Он вторгся в Теуантепек, где живет немало наших сородичей, разгромил местные гарнизоны и утвердил свою власть! Весной войско астеков вернулось с востока – и ничего не смогло сделать с Косийоэсой и его воинами. Несколько месяцев они пытались его разгромить – но не вышло! Захватчикам пришлось просить мира и с позором убираться и с Теуантепека и из долин безнасса! Священная земля свободна вот уже два месяца, и весь мой народ ликует!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.